

СМЕНА

СИГНАЛЬНЫЙ

24

1956

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Рисунок Д. Цинковского.

Фотохуд С. Фридлянда

*С новыми
годами!*

Встреча Нового года — праздник, всегда волнующий, торжественный. Для нас, советских людей, он особенно радостен, потому что мы знаем: каждый новый год приносит нам новые достижения, победы; растет богатство любимой Родины; лучше, красивее становится жизнь советского народа.

XX съезд КПСС наметил грандиозные перспективы коммунистического строительства. Вдохновенно трудятся советские люди в 1956 году, претворяя в жизнь его решения.

1956 год войдет в историю нашей страны не только новыми серьезными успехами промышленности, но и замечательными достижениями на полях. Урожай, собранный минувшей осенью, рекордный за все 39 лет Советской власти.

А как повысилось материальное и культурное благополучие советских людей! Сокращено рабочее время в предпраздничные и предвыходные дни. Установлен четырехчасовой рабочий день для подростков. Повышены пенсии. Отменена плата за обучение в высших и средних учебных заведениях. Увеличена продолжительность отпусков для беременных женщин.

Все это стало возможным благодаря самоотверженному труду советского народа. Виста со старшими товарищами высокие образцы социалистического труда показывают молодежи. Она гордится тем, что Правительство высоко оценило заслуги юных патриотов в социалистическом строительстве: на знамени ее боевой организации — Комсомола засиял пятый орден — орден Ленина.

С Новым годом, товарищи!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Декабрь. № 24. 1956 год.

Год
издания
33-й

В. ИВАННИКОВА

ПОЕЗДКА В ВЕСНУ

Рассказ

Подполковник Петр Александрович Клоков утвердился наконец в мысли, что ему надо согласиться на отставку. Его и так баловали, высказывали работу полетчик, назначили инспектором, но инспектору без командировок не обойтись, а ему даже ездить стало трудно. Да, надо уходить в отставку, сидеть дома, писать мемуары и в дни подготовки к воздушным парадом смотреть на самолеты в окно, как смотрят все москвичи.

Как бы ни было больно, он решил съездить в последнюю командировку и затем оформить отставку.

Ехать пришлось в один из южных городков, где Клоков некогда жил в юности — учился в ФЗО, — но с которым по существу, не был связан никакими значительными воспоминаниями. Ни родных, ни знакомых Клоков не собирался там встретить, да и вообще он не думал о городе, а весь был наполнен горечью оттого, что едет в качестве инспектора последний раз.

В Москве всю зиму стояла мягкая погода. А тут завязожгло, и в вагоне ночью стало прохладно. Спалось Петру Александровичу плохо. Хотя в купе не было душно, ему дышалось тяжело и невольные однообразные мысли отставка, отставка не давали покоя.

Чуть свет, стараясь не потревожить соседей, Петр Александрович вышел из купе в коридор, отодвинул оконную шторку.

Поезд оставил далеко позади зиму Подмосквы. За окном проносились черные, голые поля с редкими островками серого инея и желтого снега. Промальничая обитаемая железнодорожная будка: полуразвалившиеся стены без кровли, один оконный проем заложено камнем, как глаз пластирем.

«На меня посмотреть и на ту будку — сконжи», — подумал Петр Александрович.

Близилась большая станция. Клоков, постукивая палкой, направился к выходу.

— Сколько будем стоять? — спросил он у проводника.

— Семнадцать минут. Подите, подите прогуляйтесь, — ответил проводник и помог хромому подполковнику выбраться из вагона.

Пасмурное, серенькое утро дышало теплом, снега не было и в помине, перрон уже высох. Вагоны состава с оттаивающими окнами, исцеленные южными теплотами — ночью, значит, просочились сквозняком дождя, — казались приближавшимися из другого мира.

Петр Александрович прошелся до паровоза, набирающего воду. Там, у конца перрона, тангулись крытые прилавки маленького базарчика. За прилавками никого еще не было, но через поле, от мазенок посылка, спешил парничок с ведрами, укатившим белой трапичей.

«Эх, кабы соленья огурочки!» — подумал Петр Александрович, и, словно подхватывая его мысль, за стипкой раздался веселый голос: — Давай, пареня! Жим быстрой! Сейчас мы у тебя все сында закупим.

Клоков обернулся и увидел, что веселый голос принадлежит молодому летчику-лейтенанту. Несмотря на ранний час и на то, что дорога могла бы извинить некоторую небрежность в одежде, обмундирование лейтенанта было совершенно безукоризненно, и подзадоровало он так четко, что Клоков даже немножко присосанился.

Покупать у мальчишки неаппетитный студень вместо огуроч, о которых, оказывается, оба думали, они не стали.

— На следующей станции огурочки будут, — сказал лейтенант. — Я ошибся, соскочил здесь. — А на следующей — это уж точно.

— Частенько здесь приходится, если даже знаете, где огурочки продаются! — улыбнулся Клоков.

— Приходите, товарищ подполковник, и ездить.

— А больше летать? Разговорившись, они догуляли до того, что поезд тронулся.

— Разрешите, товарищ подполковник! — Лейтенант локоподхватил Клокова под руку, бережно подсадил его на ступеньки и сам прыгнул вслед. Это был как раз мягкий вагон Клокова.

— Зайдем ко мне, — поспешно сказал Петр Александрович, видя, что лейтенант порывается прыгнуть.

На очередной станции лейтенант Михаил Машин сбегал за огурками и принес действительно великолепные: хрустящие, в меру посоленные, душистые. Остаток пути, около трех часов, офицеры провели вместе. Играли в шахматы.

Подполковник Клоков видел в лейтенанте Машине свою молодость, преждевременное образование войной. Да, да, и у него был такой же веселый, голос, как у лейтенанта, и он любил так же повторять «это точно», и телом своим, ладно скроенным, крепко сшитым, распорядившись игрой, как этот юноша. Интересно, а как он летает? — Проапроситесь? Только смутный парня, об этом не спрашивайте. Может, самому рассказать? Но Петр Александрович молчал. Сосредоточенно, будто только игра и занимает его, он двигал фигуры на шахматной доске и мажет, мажет...

Лейтенант не может себе позволить играть кое-как: партнер такой, что стыдно ударить в грязь лицом, но и для него шахматы сейчас не представляют интереса.

— Гарде! — говорит он и думает: «Рассказал бы лучше подполковник, как воевал. За что Звезда?»

Но Петр Александрович лишь ворчит:

Рисунок А. Шульца

— Так уж и гарде! Так уж и гарде!..

Машинная передатка фигуры, он размышляет: а будет ли интересен рассказ летчику первых дней войны сегодняшнему летчику, вооруженному реактивной техникой? Правда, опыт того боя описан в учебниках, и сам он его помнит... Старинный город на берегу Волхова гитлеровцы бомбили ожесточенно. Они бросали на него сотни самолетов в день, а защищала одна эскадрилья. В городе не затухали пожары. Напарник Клокова Борис Литвинин сказал как-то: «Не могу продумать, какой стоит в горле»..

Гитлеровцы методически разрушали город. В памятный осенний день они устроили звездный налет. Пятнадцать истребителей вошли на город с разных сторон, поднимаясь воле вожака стаи. И одна мысль владела нашими истребителями, взмывшими навстречу врагу: «Враги, враги, обезглавьте стаю. Действовали парами — имеч и щить. Клоков крикнул: «Бор, прикормишь!», — наметил, свалил одного из центра... Нет, это не был вожак: строй не дрогнул. Вражеские бомбардировщики лыли со всех сторон, затопили небо. Истребители прикрывали снавали над ними, меж ними, но один почему-то кружил на правом фланге, как на привязи. Почему? Паря Клоков — Литвинин назвала бой этому прикрывающему вожака самолету, и сразу же на них набросился два звена. Они выдержали жестокую схватку. Они сбихи вожака. И враг, в десятки раз превосходящий их по численности, лишившись управления, бежал.

Вот как бывает, когда на цель брошено все: жизнь, честь, сила души и тела... Вот о чем бы рассказать!

Но Петр Александрович молчит. Ему кажется, лейтенант и сам хорошо знает о силе целенаправленности ищущих. Ишь, как он: «Шах», «гарде», «Шах»..

— Простите, товарищ подполковник, вы думаете не о шахматах. Точной!

— Конечно же, не о шахматах! — смеется Петр Александрович. — Что-то вы меня настроили молодостью вспомнить.

Рассказал бы! — загорается Машин. — Ведь ваша молодость — война.

— Из военных историй умения была бы сейчас одно, на тему: не

расплывляя внимания — проигрался! Рассказал бы в вам, как однажды стал мещиком с костями. Но это навелась история. Но стои...»
— Не стоит, так не стоит, — соглашается Машин.

Они проиграли в шахматы до нужной Клокову станции. Машин ехал дальше. Распрощались. Адресом обменялись, но стали ведь не делиться, писем писать друг другу не будут.

В день приезда Клоков не мог попасть на аэродром. Он побывал в штабе соединения, занял номер и пообедал в гостинице. И хотя вначале казалось, что с этим городом у него ничего не связано, ему неудержимо захотелось пообщаться по улицам и спуститься на реку Молочную...

За двадцать с лишним лет город, конечно, изменился. Появились новые дома, главные образцы двух- и трехэтажные. Возле завода и железнодорожных мастерских выросли новые кварталы. Однако Клокову, привыкшему к крупным масштабам, город показался маленьким. Обогнув здание городской бань, он миновал овощные склады, оплетенные колючей проволокой; здесь выселились штабеля пустых деревянных ящиков и лежало гнилово. У складов грунтовой дорога была так разбита колесами, что Петр Александрович натрудил болюную ногу, ныряя по грязи, и все же не остановился, не повернул обратно, а спустился к самой воде.

Неширока, неглубока, неокрасива Молочная. Издалека кажется светлой, а вблизи просто мутная, болотная. «Замарает ли она!» — подумал Клоков и вспомнил, как двадцать лет, да двадцать лет назад в такую же вот пору с приятелем, Колькой, жеготер, звали, и таме в байкерской одежде — это у них не забыть — они долбили лед кабуклами у берега. И Людка провалилась в воду по колено. Они с Колькой развели костер и сажали, чтобы Людка съела башмаки и чулки, высушила немедленно, не то простудится можно.

— Вот еще, не было забавы снимать! — ответила она — Самы выскочат. У меня ноги горятче.

Колька хихнул и сказал:
— Дай проверю, пощупаю.

Тогда он, Петька-петух, дал Кольке в морду, и тот ушел, буд то этого только и жет ушел.

Костер горел. И начал он, Петька, угваривать Людку съестеками обуть, высушить. Людка долго отнекивалась, отнекивалась, а потом стала расшаривать ботики:

— Только ты не смотри, а то у меня чулки — одна равня. Стыдно, чтобы кто видел...

— Нечего стыдиться! — сказал Петька. — Откуда же тебе крепкие вать?

Но отвернулся.

Из первой же полочки он купил Людке чулки, на туфли денег не хватало. Но и чулки Людка не взяла. Сказала:
— Подари парни своим девушкам дарят. А я не твоим.

— Чья же! — спросил Петька и пошу, как само сердце, пошу, что надером Людку зовут лодководце: съела она его, совсем съела. Да еще смеется: «Эх ты, Петька, не только петух, но и лопух!»

Во какими воспоминанками был, оказывается, связан Петр Александрович Клоков с речкой Молочной и ее берегами.

Клоков улыбнулся, снял шапку, представил ветру возможность перебирать свои не тронутые временем волосы — богато белокуру шевелюру.

«Где-то теперь Людка! — думал он. — Да и Кольку занятно было бы встретить. Но такого не бывает на свете: приехал в город, куда не заглядывал четверть века, вспомнил случайно о людях, и нэ тебе, вот они! Нет. Такого не бывает...»

Петр Александрович постоял, стихнул палькой несколько комков отвердевшей земли в воду, проследил, как на месте их падения возникли и пропали крошечные водоворотки, и пошел прочь от реки.

Из-за щикон, обитых колючей проволокой, ему настренно вышел человек. Он был в добротном драповом пальто нараспашку, в каракулевой шапке, сбитой на затылке, и в сапогах вразброс. Так ходят или солдаты, попорту пузатые люди, или чересчур уж прочно чувствующие себя на земле. Человек в драповом пальто был, повидимому, завсладками.

— Привет! — прокричал, прокричал он за щикон! — Кому следует не поздравится! — И, почти столкнувшись с Клоковым, сказал: — Доброго здоровья! Проходите, пожалуйста! — А потом, взглянув на него сбоку, вдруг крикнул: — Стойте! Стойте! И, подойдя к Клокову вплотную, стал бесцеремонно рассматривать его.

— Не знаю, как вы, я же вас, дорогой товарищ военный, очень даже узнаю. Петр Клоков будете! — Точно, Петр Клоков. А вы! Я, чтобы вы голову не ломали, Николай Прохорчук.

Колька, конечно же, Колька, о котором только что думал! И переменился он не сильно, просто покрутел. Но как же он-то его, Петра, узнавал!

Они, как водится, похлопали друг друга по плечам, задали один другому несколько вопросов, и Прохорчук потянул Петра Александровича к себе обидать, ужимать, гостить.

По дороге — дорога неблизкая, а машину organization — и организован — Прохорчук успел с подробностями сообщить, что дом у него собственный, что из города он уезжал лишь в закусочную, что работает по торговой части, что жена Людмила Федотовна Смокотина — ответственный товарищ, но, к сожалению, сохранила привычку делиться фамилией, чего никак не смежешь про фигуру.

Дом Прохорчука Петр Александрович угадал издали; он был похож на хозяина — добротный, розовый — вроде круглый.

— Вот та вода усадьба! — спросил Клоков.

— Жены моей, — ответил Прохорчук.

Жану он, как видно, ценил высоко. Что же Людка тогда заслуживала! С неожиданным волнением ждал Петр Александрович свидания с нею. Но Прохорчук не торопился и повел все хозяйство по порядку. У калитки оказалась мудреный, им самим сконструированный забор.

— Будьте уверены, непосаженному мне проинкуит, — говорил Прохорчук, объясняя конструкцию замка.

От калитки к дому лежала неширокая аллея, обсаженная куста-

Новогодний вальс

Слова Бор. СИБИРЯКОВА.

Музыка Зои ВЕРНЕР

В буре вальса, в море света
Я по кругу вас веду.
Начинаем вальс мы в этом,
А закончим в том году.

Стрели встречаются,
Год начинается,
Ровно в двенадцать часов.

С Новым годом! Значит, скоро
Сорок лет моей стране.
Хорошо, что таме сорок —
Вместе сорок — вам и мне.

Пр и в е т:

Искры снежные.
Звучи немые.
Новогодний хордов.
Первым ласковым
Башня Спасская
Первой встретит Новый год.
И нам в столбик он
Минется птицею
От Курляндских островов.

Пр и в е т:
Мир и счастье в нашей власти.
Это дело наших рук,
С Новым годом! С Новым
С Новым счастьем,
С Новым счастьем,
Милый друг!
Пр и в е т.

Жизнерадостно

В бу-ре вальса, в море света я по кругу вас ве-ду. На-чи-на-ем
В бу-ре вальса, в море света я по кругу вас ве-ду. На-чи-на-ем
Искры снежные. Звучи немые. Быстро
вальс мы вэ-том, а за-кончим в том го-ду. Искры снежные. Звучи немые.
Новогодний хо-ро-дов. Звоним ласковым башня Спасская первой встретит
Новый год. И нам в столбик он минется птицею от Курляндских островов.
Стрели встречаются, год начинается ровно в двенадцать часов.
Быстро
Новогодний хо-ро-дов
первой встретит Новый год. Колька-петух, до-во-дился

ми столь странной формы, что нельзя было понять, какое это растение. У первого же куста Прохорчук опустился на корточки, потянул за руку Людвига:

— Рекомендую — мой неустанный труд увенчался успехом: тут в форме лиры!

— Чего? Чего? — улыбаясь, переспросил Клоков.

— Нет, ты не шути; наконец-то назвал его на имя Прохорчук. — Выращивание декоративных растений в угодной человеку форме — дело серьезное.

— Тут в форме лиры! — расхохотался Петр Александрович. — Да на кой она тебе сделана? Впрочем, и тут я лира твои арканки. Ведь как лучше, показывая детей и жену.

Прохорчук сложил руки рупором и кринул, повнувшись в дом.

Людмила Федотовна, к нам дорогой гость!

Клоков с удовольствием вошел в дом своего бывшего однокаш-

ника, куда его пригласила, конечно, не девочка Людка, которая сушила драные чулки у костра на берегу Малого, а женщина Людмила Федотовна, сохранившая по словам супруга, девичью фамилию, но не талию, — полная, красивая женщина. Она искренне обрадовалась Клокову, сразу же узнала его хотя и не сразу, — постарел до неузнаваемости. И больше: она вспомнила, может, и не историю со чулками, но что-то связывавшее ее с Петью-плетухом, и все засветлится этим воспоминанием.

— Хоть ты и подполковник, — заявила она, — но командовать не приемлужу буду я. Остаешься у нас ужинать. И водочки выпьем.

— Я сбегал, мамочка, с готовностью вызвался Прохорчук. — Свою будем пить.

Она залопотала по хозяйству, таская за собой Клокова из столовой на кухню, с шумом на террасу и даже в погреб, строго предупредила:

— Ты кринки там, смотри, на порожках клякой своей не зацепи.

Из погреба извлекли обшлебуху бутылку с вишневою наливкой. Наливку сцедили в графин.

Людмила жадно расспрашивала Петра Александровича о войне. Молодец, что герой. Плохо, что поцарапан, — подточила она и начала расспрашивать о жене, о детях.

На вопрос о детях Петр Александрович ответил так: «Вот выдумали! Нет и не будет». А она, словно специально, чтобы расстроить его душевную рану, показала фотографии трех своих дочерей, познанных у Прохорчука, только худенькими.

— Девочки в лесной школе, — сообщила она.

— Значит, здоровьем не в родителе? — мысленно отметил Клоков. О жене он рассказывал охотнее: как она великолепно работает в области физиотерапии, готовится к защите диссертации, и какой она ему друг.

— Я тоже вроде бы медик, — наивасело сказала Людмила.

— И как это, мамочка, ты неоптимально о своем благородном труде говоришь!

— Следить за оттоками местами — это благородство! Ты помнишь, — обратился она опять к Клокову, — а ведь начальник санитарной инспекции, работы по горло, а удовлетворения никакого.

Когда ты учился в фабузабу, то ментала стать инженером-самолетостроителем. Помнишь? — понизил голос Клоков.

— Это оттого, что ты хотел стать самолетостроителем, — спросила Людмила. — А впрочем, вру. Ментала. И тебе еще мечтой заражала. Помнишь?

На одно мгновение она превратилась вдруг в фабзачку Людклюдодоу.

— Так что же случилось! — совсем тихо спросил Клоков.

— Пошла, где легче принимали. Куда везли. А потом потянуло к багполюцию. Э, да не будем...

Весь вечер Петр Александрович провел у Прохорчуков.

На следующее утро аэродромная машина привезла Клокова еще затеменю. Но он проснулся не столько от звука тормозов, скринивших под окном — его номер в первом этаже выходил окнами на улицу, — сколько от мис-

ли: «Сегодня полететь». Эта мысль завладевает каждым причастным к летному миру вне зависимости от того, будешь ты летать или останешься землей. Клоков оделся, умылся, выпил стакан холодного чаю и все с той же мыслью: «Сегодня полететь» — торопливо вышел из номера.

За полчаса до вылета Клоков очунулся в предвещательном сумраке, в ту особую, чуть тревожную и одновременно бодрящую атмосферу раннего утра, скорее еще ночи, которая так знакома летчикам, морякам, рабочим первой смены. Свежий ветер будто омыл лицо Клокова. И это тоже было знакомым и приятным ощущением.

Поздоровавшись с шофером, Клоков сел рядом, и они поехали.

На незнакомом аэродроме все для Клокова было привычным, своим. Даже люди сразу же казались знакомыми. Хорошо, что нет времени думать об отставке, о том, что он должен будет уйти от всего этого, потерять все дорогое, милое сердцу. Да и времени на раздумье действительно не было. Хотя Клоков вылез на аэродром рано, осмотреть готовые к вылету самолеты и познакомиться с экипажами ему не пришлось.

— Вынужден извиниться, — сказал командир полка. — Я предупрежден относительно вашего приезда, но не думал, что вы будете так рано, поэтому не стал откладывать летные занятия.

Зачем же, товарищ полковник, ради меня зарывать расписание дня! — запротестовал Клоков. — Тем более, — он заговорщически улыбнулся, — стоит мне подойти к машине на старт, как я тут же улетаю над собой.

Полковник, вообще польщенный тем, что к нему в частый приехал Герой Советского Союза Клоков — его имя знали в летном мире, — недоуменно вскинул брови.

— Начнемую работу, — продолжил Петр Александрович, — чтобы взяли меня в самолет, — хотя бы в качестве бомбового груза.

И полковник понял, как тоскует по небу этот лишний летный практик хромой летчик.

— Прощу на КП, — сказал он, взглянув на хронометр, и пропущил вперед себя Клокова.

С этого момента Клоков командира части, с которым пришлось находиться рядом, захватили Петра Александровича.

Уже через минуту, когда глаза Клокова приважили к полумраку, царившему на КП, он стал различать людей, обслуживающих приборы, и сами приборы.

На отлетающей перламутром поверхности экрана появились обобщенные изображения дакти с немалой скоростью шли реактивные бомбардировщики, их сопровождали истребители. Как легкие суденышки, они сновали вокруг тяжелой корабель в безбрежном океане неба.

Сначала Петр Александрович следил за командами, за возникающими на специальной шкале цифрами, производя контрольные подсчеты, а затем в размеренное движение эскадриль на экране ворвалась откуда-то сбнбу, будто связанная невидимой нитью сумасшедшая пара крышечных самолетов, они обогнали, со скоростью, большей, чем скорость реактивных самолетов, опережающих звук, но не человеческое воображение, перенесся в центр завязавшего «боя».

Инспектор, хромой подполковник Клоков, сидел в кресле, вцепившись пальцами в собственные коленки. Клоков был там, вдалеке, в гуще «боя»... Это учебный «бой», равно как когда-то настоящих, который вала пара Клоков — Литварин, не мог не закончиться победой Клокова. Он встал с кресла: скворстка: тогда — минуты, сейчас — секунды.

— Блестяще! — сказал командир полка. — И все это молодцы!

Клоков покашал. Не похороши он Бориса Литварина в сорок третьем году, спросил бы сейчас: кто командует истребителями, не Литварин ли? Но спрашивать ни о чем не хотелось. Он всем satisfaction ощутил: то, что они сделали с Литваринским, не пропало даром, живет в пришедших на смену! Это ощущение поселилось в душе Клокова, наполнило его несомненным радостью.

В конце дня Клоков отправился в истребительную часть. Пропуска у него не было — в штаб соединения он не заезжал — и потому, отпустив машину, стоял у проходной на территории часами, пока дежурный дознавался куда-то с докладом о неизвестном подполковнике.

— Товарищ подполковник, Да каким же вы к нам судьбами! — неужели раздался за спиной веселый голос.

Клоков обернулся. Перед ним стоял лейтенант Машин, ничуть не изменившийся с того, что был в шинели, а с работы, в комбинезоне, акkuratный, подтянутый.

— Петр Александрович, до чего же здорово, что вы к нам!

В ожидании пропуска для Клокова они встали разговорчиво.

— Весна как-то в один день наступила, — сказал Машин и отломал веточку с куста живой изгороди.

Сколько глянцевых коричневых шишек, которыми была усевена ветка, допнули почки, проступила нежная зелень. Петр Александрович отобрал у лейтенанта ветку и ушел в карман шинели.

— На память о дешеских мекстах! — улыбнулся он.

— Нравится у нас!

— Очень.

Потом принесли пропуски, и офицеры распрощались. Лейтенант посчитал несрочными предложения пропуск знающего подполковника из Москвы, Героя; он только долго смотрел ему вслед.

А Петр Александрович, когда в штабе части зашла речь об утвренении учебной базы, на сообщении, что особенно отличился пара, в которой был лейтенант Машин, сказал:

— Я так и знал, что это он! — Вызвать же лейтенанта к себе для беседы не разрешил Клоков. Пусть отдохнет человек.

Так и уехал подполковник Клоков в Москву, не повидавшись больше с Машинным, но уезжая добрые к нему чувства. Вообще это командировка, как-то успокоения Петра Александровича. За окном вагона проплывали замечательные несколько дней завод полуразвалившиеся будни, заснеженные холмики. А он, уполнувшись в карман шинели, уколоса в ветку, вытщил ее и, положив на стол, долго смотрел на лопнувшие почки и думал: хорошо, когда весна.

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ КОРЧАГИНЫХ

К 20-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ
НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО

На третьем курсе Молотовского пединститута учится студент Анатолий Осипов. Он живет в этом же городе. В комнате, принадлежащей ему и его младшей сестренке, у окна

Переходящий вымпел Николая Островского, которым наградились передовые бригады в зерносовхозе имени Островского, Анимондлинской области.

стоит кровать, с которой вот уже около четырех лет Анатолий не поднимается: у него парализованы ноги.

Почти каждый вечер небольшая комната наполняется веселым говором товарищей Анатолия по ин-

ституту. Здесь звучат его стихи, читаются асудки книги, идет разговор о жизни, о дружбе, об учебе. По утрам почтальон приносит Анатолию письма, написанные его друзьями с берегов Черного моря, из Москвы, с кораблей советского Военно-морского флота, из стран народной демократии...

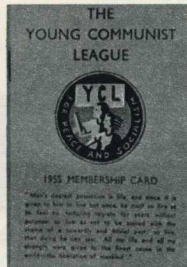
Много друзей у Анатолия, и среди них один самый неизменный, самый постоянный друг и помощник — Николай Островский, человек, научивший его мужеству. Все вокруг Анатолия наполнено героическим духом этого человека. И увидя, на которой он живет, названа именем Николая Островского, и книги писателя-большевика окружают прикованного к постели юношу, и темой будущих литературоведческих работ Анатолий избрал творчество Н. Островского.

В одном из своих стихотворений, посвященных Островскому, Анатолий пишет:

В душе моей невзгоды —
но спорю,
Каказалась цель призрачной,
путь к ней — тернист...
Но слышал я голос твой
рядом со мною:
«Стыдитесь, малодушья! Веди ты —
коммунизм!»

Анатолий Осипов и Николай Островский — люди разных поколений. Уже два десятилетия отделяют нас от того дня, когда Островский умер, но тысячами нитей и сейчас связан он с самыми дальними уголками земли, потому что своим гражданским подвигом, своими книгами вошел в среду молодежи, растворился в ней и на самых трудных участках продолжает бороться за счастье человечества.

Не падают духом, не опускает рук даже в самые безнадёжные минуты, отдавая все свои силы служению народу и быть полезным в этом служении на Николая Ос-

Членский билет юных коммунистов Англии с цитатой на юнги «Как загоралась сталь».

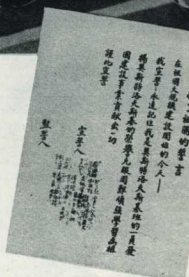
тровского — этот девиз во всех странах стал близким для молодежи, живущей высокими идеалами борьбы за человеческое счастье.

Юные коммунисты Англии на членском билете своей организации рядом со словами о мире и социализме написали слова Николая Островского о том, чему должна быть посвящена жизнь человека. Белгические судостроители построили новый теплоход, который назвали его именем.

Молодежь часто обращается к книгам Островского, и его образу, ставшему символом стальной воли, упорства, мужества. Комсомольцы дрейфующей станции «Северный Полос-4» зачислили Николая Островского в свой коллектив, когда в тяжелых условиях у самых северных широт земли выполняли задание Родины. Они обратились с письмом в дом-музей писателя, и вскоре на дрейфующую льдину была доставлена пластинка, с которой на Северном полюсе заучавал мужественный голос Николая Островского. Когда наша антарктическая экспедиция штурмовала ледяной берег шестого материка, комсомольцы экспедиции назвали себя корчагинцами и с честью оправдали это высокое имя.

Повсюду, где требуется напряженная сила, настойчивость в выполнении долга, перед молодежью встает образ Николая Островского. В битве за урожай юности и девушки целины, соревнуясь друг с другом, борются за честь называться бригадой Островского и хранить в своей палатке красный вымпел его имени.

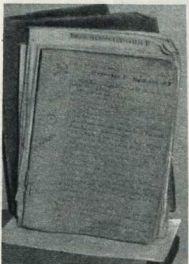
Изо дня в день волнующими документными пополняются экспозиции музея Николая Островского в Москве. Сюда, на улицу Горького, в дом, где провел свои последние дни писатель-борец, идут письма, телеграммы, дневники, фотографии, свидетельства о том, что Николай Островский жил и сегодня, что его книги навсегда остаются в строю, что его писательское перо приравнено к штыку, как боевое и грозное оружие. «Роман «Как загоралась сталь», — пишет из далекого Вьетнама боец 335-го пограничного отряда Тран-

Учащиеся класса имени Островского Шанхайской технической школы дают «Няньту Родине». Ниня — текст письма на китайском языке.

Джик-и, — появился у нас в период Сопротивления. Этот роман мы принимаем за самого близкого, самого дорогого друга.

Мы любим Павла Корчагина и хотим быть похожими на него. Мы чувствуем, что жизнь Павла Корчагина похожа на нашу жизнь. Первый раз мы читали эту кни-

«Как загоралась сталь», переписанная от руки вьетнамскими патриотами в дни борьбы за свободу своей Родины.

ТАК БУДЕТ

В тот субботний ноябрьский вечер троллейбусы и автобусы, идущие к Ленинским горам, были переполнены. Почти все пассажиры сходили у нового здания МГУ. Шумными, веселыми группами они спешили к ярко освещенному подъезду Дома культуры университетов.

Сразу при входе юношам и девушкам вручали программу вечера, на первой странице которой было написано:

Чтоб зам-нубудь не заблудиться В просторах нашего ДК. Вам в эту книжку пригодится Не только выходя страница. А даже надежда строина!

И действительно, без этой программы-путеводителя легко было заблудиться на Интернациональном балу, который устроили студенты университета: столько здесь состоялось встреч, выступлений, конкурсов, бесед...

Болеe четырех тысяч юношей и девушек — учащихся московских вузов и техникумов, рабочих столичных предприятий, иностранных гостей — собралось на этот вечер, который если можно так выразиться, фестивалем в миниатюре. В залах и вестибюлях звучала многоязычная речь, молодежь веселилась, танцевала, пела.

В актовом и зрительном залах гости слушали концерты иностранных землячков, выступления мастеров искусства, знакомились с фестивальными модами, которые показывал Московский Дом моды, участвовали в лотерее. Организаторы бала не поспешили на выдумку: в аудиторной и фойе было устроено много забавных аттракционов. Особое оживление царило у шуточной панорамы «Вид на Казбек», у фототеки, в зале всеклас кинофильмов, где беспрерывно демонстрировались мультимпликационные кинокартины.

Готовясь к этому вечеру, на славу потрудились университетские поэты и художники. К плакатам, рисункам, карикатурам с едкими сатирическими подтекстами нелегко было пробиться.

Вечер закончился Песней юности, дружбы и свободы, которую исполнил двутысячный хор в сопровождении оркестра.

Дети разных народов. Мы мечтаю о мире ширем... мощно звучали эти слова под сводами Дворца науки. Их пели почти на тридцати языках юности и девушки, спланные воедино молодостью, дружбой, стремлением к миру.

Ю. БОРИСОВ

Председатель ВУЦИК Григорий Иванович Петровский принкрещлет ордена Ленина и гимнастерю Николая Островского.

гу, напечатанную на пишущей машинке, в переводе с китайского языка.

Нам дали эту книгу на короткое время. Мы собрались и решили переписать ее, чтобы она всегда была с нами, чтобы мы учились по ней.

Для переписанной книги состояла из разных листов бумага, одни листки были взяты у врача, другие были даны населением, третьи были куплены на скудные средства.

Книга была переписана разными чернилами: красными, синими, фиолетовыми... и разными ручками: авторскими, простыми ручками, бамбуковыми...

Эту книгу переписывали разные люди: солдаты, школьники, юноши, девушки, книгу переписывали в течение четырех месяцев.

Мы прошли с этой книгой десятки тысяч километров по изрытым дорогам.

Однажды, когда мы гнали неприятеля через Черную реку, то не успел он опуститься на лодку, чтобы мы оставили все на берегу, давая альбом с фотографиями родных, и взяли лишь оружие и эту книгу...

Группа студентов городской технической школы Шанхая создала класс имени Николая Островского, и каждый из учащихся этого класса перед портретом Островского дал «Ялтыу Родины»:

«Сегодня, когда Родина начинает грандиозное строительство, Я кланяюсь».

Всегда помнить о том, что я — один из учеников класса имени Островского, кланяюсь приуиночуд трудности и настойчиво учиться, чтобы внести свой вклад в дело строительства Родины. Кланяюсь».

Десятками подписей, одна к одной, как плечо к плечу, скреплен эта клятва китайских юношей.

Таким он и остается: вечно молодой, всегда зовущий вперед, неунывающий Павла Корчагин-Островский, рожденный бурей революционных битв, один из первых ленинцев-комсомольцев. Таким он и будет жить, завладев своими примером сердца и волю молоденым, звать его к свершению славных подвигов во имя Родины.

В. ТУРИН

Телеграммы «юнархивцев» из Антарктиды с «дрейфующей научно-исследовательской станции «СП-4».

ЛЕНИНСКИЙ РАЙОН СССР
Центральный научно-исследовательский институт

«СЕВЕРНЫЙ ПОЛУС-4»

Описание обстановки лагеря, действ. человек в лагере С.А. Островского.
Запись, когда начались исследования шельфа нашего дрифта, и на чем
основаны все последующие выводы, указания, какие
иногда были, и где обходить Вет, что при
исследовании шельфа исследователи
из геологической партии.

1300. Остров, к
се на широте 84° 15'
и востоте 170° 00'

14 мая 1959 года
Капитан С.А.
и прочие члены
лагеря сообщают
Вашему отделу из
Шанхая следующее:
там С.А. и в лагере
мы его увидели «Х»
Возле пункта «Х»
и környékén лаг.
Возле нас лагерь
на протяжении всего

Секрет СССР

Министерство связи СССР

№ 100-48

ТЕЛЕГРАММА

КОМУ: 74 ГОЩЕГО ЛЕНИ ВООЩЕ НИКОЛА ОСТРОВСКОГО ОСТРОВСКОГО

19 30 ИЮН 2054 120 10 2020

КОМУЩЕРИ ИМЕЮЩАЯ УСТАНОВКА ОБЩИЙ РАБОТАЕТ В С ЧЕЛОВЕКА
КОМУЩЕРИ ИМЕЮЩАЯ УСТАНОВКА ОБЩИЙ РАБОТАЕТ В С ЧЕЛОВЕКА
КОМУЩЕРИ ИМЕЮЩАЯ УСТАНОВКА ОБЩИЙ РАБОТАЕТ В С ЧЕЛОВЕКА
КОМУЩЕРИ ИМЕЮЩАЯ УСТАНОВКА ОБЩИЙ РАБОТАЕТ В С ЧЕЛОВЕКА

ПОЧЕМУ ПЕЧАЛЬНЫ НАШИ ПЕСНИ

Любой из вас легко найдет на географической карте Панамский канал. Многие знают скандальную историю, связанную со строительством этого канала, после исторической слово «Панамы» стало синонимом грандиозного жульничества. Но, вероятно, мало кому известно о сегодняшней жизни, быте и культуре народа Панамы.

Страна наша маленькая в газетах о ней почти нечасто да и так можно почерпнуть из коротких официальных информационных. А между тем там есть что рассказать друзьям. Ведь у каждого народа своя судьба, свои надежды, свои мечты.

Пусть не удивляется советская молодежь, если некоторые песни молодей родины прозвучат на Московском фестивале печально: в них выражено горе панамского народа, который, однажды сбросив с себя цепи рабства, вновь попал под иноземное иго. Впрочем, не все наши песни грусты. Колониальными не раз приходилось слышать напевы борьбы и гнева, поднимающие людей на битву, зовущие к светлому завтра.

Молодежное движение этой страны развивается в трудных условиях. В 1950 году, когда была запрещена Народная партия Панамы, против патриотов начались репрессии. Но это не сломило волю панамских юношей и девушек. Они продолжали выступать против засилья американских монополий, требовали выхода воле США с территории Панамы, боролись против произвола Юнайтед фрут компании, владеющей огромными банановыми плантациями.

Горько сознавать, что наша страна, по территории которой проходит важнейший водный путь, связывающий Тихий и Атлантический океаны, лишилась средств, чтобы послать своих делегатов на международную встречу молодежи. А хозяйничанье на нашей земле компания Панамского канала и Юнайтед фрут компании, попирая национальные права панамцев, наживают миллионные прибыли.

На прошлые фестивали мы послали только по два—три человека, а ныне предполагается направить в Москву шесть юношей и девушек. Для этого нам приходится собирать средства. Посильную помощь молодежи оказывают рабочие, крестьяне, интеллигенция. Листовая фактивная, издаваемый Инициативный комитетом, призывает всех юношей и девушек активно включаться в подготовку к предстоящей встрече. И все же одних наших ученых вряд ли будет достаточно. Без помощи международных молодежных организаций мы не сможем послать на Московский фестиваль даже то незначительное число делегатов, которое намечено.

Хосе Мануэль МЕДИНА, член Панамского инициативного комитета по подготовке к VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов.

Т У Ч А

Рассказ

В долине гудят тракторы: рабочие совхоза запахивают последние загоны под яровые.

А на склоне холма, где еще совсем недавно стояла юрта-временка, уже заметен мягкий ковер поднимавшей пшеницы. Между холмами неудобная балка, точно седловина между горбами верблюда, а дальше — насколько хватает газа — широкая степь тянется до самого горизонта.

По степи, то выгибаясь ровно, как струна, то извиваясь змеей, кружат в ковылях дорога к Махавушке.

Лемеха глубоко ушли в черном: пласты отваливаются широкие, жирные, поблескивающие, будто туталани.

По бородам деловито прыгают грачи, лакомятся червями и каркают. Кончая загон, плечистый великан высовывается из кабины трактора, кричит прищипку:

— Да стой ты их, Ефим! Кар да кар, надоело, бесняк! Жрут, жрут, никак не нажрутс!

Ефим скалит белые крепкие зубы, машет руками:

— Киш, киш! Летите до хутора, скаженые. Киш!

Птицы взлетают, усаживаются в сториче, но гомон не прекращают.

Тракторист досадно слезывает и бормочет:

— На свою балку каркаете, пропасти на вас лет!

На холме появляются два всадника: цуплый, совсем еще молодой, с черными, слоено теря, глазами табушник Сабит Ажонов и приземистый, широкоплечий, с добродушной улыбочкой директор совхоза Малахов.

Сабит морщит коротенький, похожий на спелую сливу нос, пощипывает реденькие брови.

— Вот, директор, дела-то какие, — говорит он. — Была тебеневка что надо: юрта, как совхозный клуб. Тихо. Ручей рядом. А теперь что... Нет ничего!

— Говорить, юрта что клуб? — оборачивается к Сабиту, спрашивает Малахов.

— Да, хороша была тебеневка! — восклицает Сабит. — А теперь... — И он безнадежно машет рукой.

Рисунки Г. Балашова

Малахов пристально смотрит на Ажанова. Серые глаза его мечтательно шуртят.

— Эх, Сабит, Сабит! Степь наша велика, коням места хватит, а тут такой урожай отложим — сто пудов с гектара, но мезьля! Люди с Украины пахать приехали, а ты ноешь.

Сабит крутит головой: ему жалб пастбища, превращенного в пашню. Малахов волнуется, встает во весь рост на стремена, вскидывает вытянутую руку к балке.

— Что это? — спрашивает он.

— Балка.

— А дальше что?

— Холм.

Малахов тиснет повод. Конь директора недружелюбно косится на табушника.

— А там, где раньше пахали, есть холм, есть балка?

— Нет.

— А вестер?

— Шибко много, — нехотя бурчит табушник.

— То-то, голова! Ветер, да к тому же злой су-хо-вей! — раздельно произносит Малахов, постукивая ладью по голенищу.

Сабит чуть бледнеет, только веснушки да нос сохраняют прежнюю окраску — синевато-бордовую. Спор явно проигран. Табушник звучно чмокает, конь трогается с места.

— По осени приезжай — лепешники ущуп! — гремят вслед ему Малахов.

— Спасибо! Спешем свои! — кричит Сабит и торопит коня.

Грачи прыгают по полюсе за плугами, снова и снова лезут к бородам.

Ефим машет руками:

— Киш, киш! Мотайте, мотайте, артисты! Малахов спускается с холма, спешивается и, приложив ладонь ко рту, кричит Сабиту:

— Привыкнешь и на новом месте: юрту построим, ручей отыщем и биббарком пригоним. Так-то, дружище Сабит.

Юрко горит солнце, юрко сверкает чистое, высокое небо.

Майскими ночами лили короткие, теплые дожди. Даем по голубому, чистому небу бездождя. Даем по светлому, светлому солнцу. Жали итывые тухля и

Зеленя поднимаю дружные, словно на равнине, да раскинулася за балкой, расстелили доскут зеленого бархата.

Умными птицами оказались грачи: червей съели, зерно не тронули и теперь, гнездясь на тополях, в совхозном парке, забавляя дорогу к прежним владениям Сабита.

А Сабит с косяком ушел дальше в степь, обжился на новом месте: поставил юрту, к озеру — через камыш — пробыл тропы, леите, лошадики, вволю!.. Правда, кругом голая степь, ветер редко стихает. Да это не беда: лошади не колюч, ей ветер не страшен.

К Махавушке путь Сабита лежит по старым, званым местам.

Подъезжал Сабит к полевому, поднялся на холм, из-под ладони поглядел кругом. Над полюсой за-

стыл ястреб, поводит головой, сливою стережет поле... По дороге к холму, сквиув фуражку, бредет Малахов, держа за повод коня. Вот он оставил коня за полюсой и пошел по посевам. По гонд пшеница директору. Он гладит колосые руками.

«Ласкает, как кобыла сосуна», — думает Сабит.

И слышит он, как зашел Малахов:

Распашу я рино
Полощу роднику,
Распашу, посею
И забороную.

Хорошо поет директор! Голос у него густой, из струи так и льется! С душой поет человек!

Заслушался Сабит, прикрыл глаза, а когда открыл, заметил: к нему направляется директор. Сабит взглянул на солнце, зажмурился: ух, как печет!

— Здорово, джигит! — сказал Малахов, протягивая руку Сабиту.

— Здорово, директор! — откланялся Сабит и спрыгнул с коня.

— Как дела в табуше?

— Все ладно. Хорошо в табуше, — твердо проговорил Сабит.

— А юрта?.. А как пшеничка? — хитро, с расстоявочкой спросил директор.

— Пшеничка? — переспросил Сабит.

— Да, да, — ответил Малахов.

«ЕКАТЕРИНА ВОРОНИНА»

Фоточерки Д. Жулина и В. Велика.

Осенний день... На одной из центральных улиц города Горького огромная толпа народа образовала «пробку», которая надолго преградила путь троллейбусам, автомобилям, мотоциклам. На стенах домов транспаранты и плакаты с призывами: «Решаем задачу! Наше дело правое, победа будет за нами!»

Это снималась одна из сцен нового фильма, «Екатерина Воронина», рассказывающего о славных трудовых делах воликовских портвинцев. Для съемки была воссоздана обстановка военных лет со всеми ее характерными особенностями...

Фильм выпускает Московская киностудия имени А. М. Горького. Ставит его режиссер И. Анненский, известный по ранее созданным им кинокартинам «Свадьба», «Анна на шее», «Княжна Мери»; оператор — Игорь Шартов.

В центре киноповествования Екатерина Воронина, ее неспокойная юность, полная забот, радостей и волнений. Основные качества героини — прямота и честность, упорство в достижении цели и принципиальность, борьба со всем, что наносит ущерб делу, что мешает людям жить и выполнять свой долг перед Родinou. Эту роль талантливо исполняет моло-

смерчи едкой пыли. Трава сначала пожухла, потом пожелтела, выгорела степь быстро. И только пшеница стояла сильная, зеленая, как можжевельник в осеннем перелеске. Много сленной развелось на тибенках. Жарким подулками лошади, обузанные от укусов, были копытами, металась по горячей степи, лезли в ручьи, в топь. Ночью косяк отдамка, ятки щипали траву, около них развилась со-
сунья.

Ночи стояли светлые: куда ни кинь глазом, видать, как днем. Сабит обехал косяк, спешился.

Горячий, неостывший ветер дохнул в лицо кивчаным дымяком: то сменился затопамятением в юрте — чай кипит. Дремотная, ленивая туча выползла из-за холмов, глянула на Сабита и, тускло пошевелив, вымрала снова за облака. Скользнула по степи тени, точно пробегал кто-то от юрты к камышам. Завернула сторожевой пес. Сабит глянул на небо: свиная туча закрыла луну. Качалась туча, точно томный парус. Потом поспалося что-то с неба.

«Дождь, что ли?» — подумал Сабит и поспешил к лошадям.

Хрустнуло что-то под сапогом. Застрекотало, заскрипело в траве.

— Вот оно что! — пробормотал Сабит и, выскочив к коню. Конь всхрапнул, вылетел на возвышенность.

— Эй! Гляди лошадей! — крикнула Сабит сеницу.

Туча медленно ползла по небу.

Угнул Сабит, конь бросился вназад, дробно застучав копытами. Встречный ветер зависел в ушах. Сабит сильно потянул поводья — конь помчался еще быстрее.

В момент, когда Сабит хотел откнутить малахай, наполнивший на глаза, конь упал на колени. Табушник, потеряв равновесие, полетел в ковыли. На ноги всколыхнул одновременно и Сабит и коня.

Перед Сабитом белел валун. Маштак мелко дрожжал всем телом, держа на весу переднюю ногу.

— Эх, черт! — прохрипел Сабит, слернул с головы малахай, швырнул его в сторону и побежал. Конь виновато выгнулся излезаю хвосту, со стоном повернулся и на трех ногах заковылял назад, к лошадям.

А туча все ползла и ползла. Луна выкатилась в просвет чистого неба, освещая бледным светом юрты и лошадей, оставшихся где-то далеко позади. Здесь же было темно, как в погребе. А Сабит все бежал и бежал, но зард подогнулись у него ноги, споткнулся Сабит и упал. Табушник выругался и поднял голову: прямо перед ним сидел тушканчик с с любовью расшатривал его.

— Что, песельме, любующийся? — крикнул Сабит.

Зверек юркнул в нору. Сабит перевел дыхание, подыная и снова победил. Для него не существовало ни неба, ни земли, ни его самого, Сабита, — все слилось в одно мучительное напряжение последних сил. А силы совсем покинули его. Табушник рухнул на землю.

Сабит вздрогнул и приподнял голову. Прорезая мрак, разгораясь все ярче и ярче, бродил по дороге свет фар. Он и исчезал, то вновь тускло трепетал в предугнетенном тумане.

Сабит ценой огромных усилий встал на ноги и, как ребенок, обучающийся ходьбе, пошел на оток.

Машиня, скривив тормозам, остановилась. Свет фар слепил глаза. Сабит качнулся, как пьяный и повалился набок.

Малахов выскочил из кабинки, присел на корточки, приподнял голову табушника. Запелась губа Сабита едва шевелилась.

— Там... саранча... К посевам летит... Скопеет!

Малахов побледел.

— Быстро в совхоз! Звоните в город, на аэродром. Ну, жюри! — крикнул он шоферу. Машина фыркнула и укатила.

— Так, так, голова. Вот тебе и лепешки! — сказал Малахов.

— Теперь хорошо. Хорошо, директор. Лепешки есть будем, — пробормотал Сабит, с трудом подымаясь на ноги.

Новгородская область.

— Ничего, — вяло протянул Сабит.
— Ничего — место пусто! — повисил голос Малахов.

— Промочал Сабит, а Малахов свое:

— Хороша!

Сабит еще раз глянул на посевы, улыбнулся и сказал:

— Хороша!

Малахов крепко схватил Сабита за плечи и крутил вокруг себя:

— Прав, джигит! Зову на лепешки!

Закружился у табушника голова. Небо, холм, степь мелькнули в глазах.

Одышался Сабит и сказал:

— Приеду! Обязательно приеду!

— То-то, голова! — улыбнулся директор и засмеялся к коню.

Уехал Малахов. Пыль вихрем взылала по дороге. Ястреб заметил что-то в траве, взметнулся вверх, а затем камнем упал за холм. Сабит спустился к полю, присел на корточки, наклонив стебли упругих растений к лицу и замурлыкал:

Распаду и рано
Полосу родную.

Обнимает ласково ветер разгоряченный лицо... Тихо шепчутся пустые колосья...

И пошла на полях пшеница в колос. Да как пошла! Споро и дружно; колос наядся тугой и сочной. Кочкались ночные дожди, жарко пахнули ветры с далекого, душистого Каспия, закуталось в туманную дымку нестерпимо палящее солнце. Закружили, пошеяли по степи

Идет съемка эпизода, воссоздающего картину военных лет.

Не правда ли, эти улыбающиеся парни очень похожи друг на друга? Один из них (справа) — артист Ю. Пузырев, исполняющий в фильме роль Жени Кулагина. Другой — пловец А. Гутин, дублирующий эту роль в эпизоде с катной шляпкой.

дая актриса Людмила Хитяева, окончившая несколько лет назад Горьковское театральное училище. Она давно уже мечтала о «большой и интересной» роли, мечтала создать образ советской женщины.

— По правде сказать, сперва было немного страшно, — говорит Людмила Хитяева, — ведь мне впервые предстояло сниматься в кино, да к тому же и работа моя на сцене до этого была непродолжительной. Но чем больше я вникалась в роман А. Рыбакова, тем лучше понимала ошибки и увлечения Кати, ее страстную преданность любимому делу, ее принципиальность по отношению к себе и другим.

Роли большинства других героев фильма исполняют также совсем еще молодые актеры. Однако некоторые из них, например, М. Лифанова, Н. Мordioкова, Ю. Пузырев, уже обрели известность своей выразительной игрой в фильмах «Молодая гвардия», «Спортивная честь», «Море зовёт». В фильме участвуют и актеры старшего поколения: народная артистка СССР В. Пашенная, заслуженные артисты республики С. Бобров и А. Сащин-Никольский, артист театра имени Вахтангова Н. Малишевский.

Некоторые эпизоды и сцены приходилось снимать в весьма сложных условиях. Кино-

Так разигрывалась сцена с катной соломенной шляпкой.

Один из кадров фильма. В роли Рыбакова — артист Ю. Киреев, в роли Соки — артистка М. Лифанова.

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ ДРУГ

(Окончание)

Вскоре стало известно, что на утокосок придет Валентина Яценко. И не столько перед этими известными людьми, сколько перед новой деляй, что открылась, собралась с силами Иван Барышников: идея молодежи взять на свои плечи еще одну долю полосы, а именно от Чкалова вверх до Вишневой, победила. Туда направилась юная армия добровольцев, откуда приходили первые хорошие слухи. По поводу движения к горе Вишневой и должно была состояться встреча Барышниковых с Валентиной Яценко и Александром Токаревым.

Стояла ранняя весна; злой ветер бился в стеньки палатки, рвал; по земле, окутанной туманной ночью, летели со звоном ледяные иглы, иногда выходя из ту чухи, и тогда открывалось небо, клубящееся и тоже злое. В палатке собралась все члена бригады Барышниковых. Были теперь эти люди позрелее, возмужавшие, каждый отчетливо знал свое дело. А бригадир-отец и вду не показывал, что перед ним именно такие люди, и разговаривал с ними так, словно бы они только что пришли на лесную полосу. Он знал, о чем говорил, просясь, как он в детстве, о чем говорил: овраги, рытвины, выходы камня сменяли друг друга от самого Оренбурга до Вишневой.

Предполагалось, что переводки комсомольской лесной полосы — тракторная бригада Иван Барышниковых, лесозаготовительная бригада Валентины Яценко и Александр Токарев — двинутся на новую трассу — к горе Вишневой — в один день и вместе.

VIII

Не раз впоследствии мысленно возвращался Иван Барышников к той весне, не один час просиживая он в уединении, все думая, все вспоминая, как было дело, что и как произошло. Дети не могли помочь ему: им не хватало ни жизненного опыта, ни политической зрелости. Они лишь удивленно смотрели на отца и видели, что он разгневан все. И когда они убеждали, что и для отца прошедшее загадочно, они притихли, приуменьшили, и сразу как-то стало видно, что это уже не молодые, а большие, перешагнувшие черту молодости люди, им приходится принимать на свои плечи первый удар жизни.

Несколько по-другому держался Василий Каланшиков: был он веселее, растерянности не показывал. Но при этом замечал бригадир, что он свертнул в глазах Василия злая искра, сожмет он зубы и так — весь взвизгивая, как пружина, — замрет на некоторые времена.

Одним словом, повернула жизнь к людям свою непонятную сторону.

Тяжелее всех пришлось Александру Токареву.

На бугре, где заканчивался очередной загон, трактор его остановился: вышло горячее. Парняры Токарева, затем оба привели машину на стан поторопист бензовоза и не вернулись. День был уже на исходе, и Александр растерялся до невозможности, даже вымыл вежку — знак бедности. Мрачный сидел он возле трактора, в затравке, и ждал, не случится ли с завтра. Ветер приносил вдаль костер, садил в спину, когда тракторист заблудился на мгновение в чутком, тревожном сне. И вот

он вскочил на ноги, яростно сбросил вежку и повел трактор к оврагу. План его был прост — взять горячюю у Барышниковых хотя бы на позаряны.

Овраг был глубокий, обрытый, поросший чертополохом так, что казалось, будто и два в нем нет. Начал Александр спускаться — сорвался, покатылся вниз. С клементом и треском вылетела из-под его ног сова и больше ударила крылом по лицу. И тут же он услышал над головой гомон и крик — шумели ребятишки из ближнего села, друзья тракториста, которым он обзавидовался в любом месте.

— Дядя Саша, дядя Саша! — кричали они, выставляя на обрыв оврага: — Вылезай скорее!

— Беда кругом! — пуше всех кричал босонюгий парнишка, прилипавший к холода.

Не понимая, в чем дело, Александр Токарев первым долгом прижался к фронту, затем мысль о тракторе похлонула его по середине, и ответным движением был прижок вверх.

Его трактор стоял на прежнем месте. — Гляди, гляди! — кричали детки, указывая пальцами в сторону, где начинался участок Барышниковых.

Александр Токарев не слышал того неистового шума, что подняли детские голоса, а ловил лишь слова, что так и металась, так чхалась: — Уходит Барышников! Уходит навсегда!

Действительно, тракторы Барышниковых, оставив лесную полосу, вытянулись на шоссе, как танки, и шли по нему, удаляясь все дальше. Кто-то из деток испуганно визжал, и все стало страшнее, Александр сорвал с головы шапку, начал махать ею Барышниковым и звать их. А потом он сбросил ветник и махал ими, кричал. Никто не отозвался ему. Да и моросить дождик, белесая дымка спускалась на землю, словно для того, чтобы скорее скрыть все, что происходило тут.

Холод шлол сердце Александру, когда он повалился на землю, что произошло.

— Дядя Саша, — говорил все тот же босонюгий парнишка, — уходи скорее. Страшно тебя не любит наш председатель. Так и сказал: «Я его палкой погоню с земли»! — Кто-то из деток испуганно визжал, и все ватава бросилась краснущую. Взяли на левковой машине ехал председатель колхоза, а за ним в грузовике люди. Тракторист видел затем, как подошел тот караван к лесу, и начал издавать команды. И вот уже все пошло назад. И стали люди вырывать саженцы. Токарев бросился вперед, как-то зарывал, затем кинулся назад, к трактору, где у него было ружье. Но это не могло помочь, люди были так далеко и все происшедшее так неотвратимо было, что и уходящие тракторы Барышниковых, и уничтоженные младенца-леса, и крики детей — все говорило трактористу о беспомощности его протеста. Как смятенный, сидел Токарев возле своего трактора, который он все же привел назад, в борозду... Председатель колхоза не рисковал виться к нему один, а приехал с тракторными бригадиром.

И тут все узнал Токарев.

Да, приказ из министерства: прекратить работы на лесной полосе, рабочих распустить, леса и землю вернуть тем, кому она была разрезана, и все сделать немедленно, потому что

с этой площади пойдет налог в нынешнем же году.

— Налог! — кричал председатель. — Ты понимаешь? Мне это дост доходу не даст. А какой у нас трудюлень? Копейки! Тебе-то горя мало — ты тракторист, у тебя все время урожай, — да и на тебе не помотрю!

Он выложил из себя и жестко поначалу поучил: Токарев не проронил ни слова, он попорту не мог собраться с силами, чтобы что-либо сказать или сделать.

Наконец он заговорил.

— Ты было восемь гектаров, — сказал он сам себе о лесе-мамысе, что был уже выдерган. — Да, восемь гектаров.

Выглядел вместо леска кучка хвороста. Дождь перестал, и с дальнего конца уже задрожало несущую трассу ковыльное поле.

Токарев поднялся на ноги, взял котомку, что была привязана под сиденьем трактора, надел дражное пальтишко и, не прощаясь ни с кем, пошел прочь с бугра.

И за оврагом, на участке Барышниковых, все опустело, выдвинулся лишь одинокая фигура самого бригадира. Иван Барышников брел по дороге. Пробегаи знакомые иезские машины, приглашали сесть, подхлестывали нахлестом, указывали на туман, то что же произошло. Рядом с дорогой тянулись в беспечности лесная полоса, и в одном месте паху уже смеяло загоняла в нее стало быков. Подняв кулаки, Барышниковы побое на маршучью машину, на которую машины выносили люди и тоже поехали к стаду; позавидовал всех прыгал одионогий инвалид и потрассал костылем.

Такой выдалась ранняя весна 1953 года.

IX

Волнующую Докучаева молодые люди представляли просто. Леса вырубались в колдуньином громады ваты, встали на пути суховец; ударились в эленную степь, знойный поток «ломается». Далее ослабленные потоки горячего воздуха встречают на своем пути высокие преграды лесной террасы. Вследствие сил и, наконец, совсем гаснут. Улаженный воздух течет по обнесенным полям.

На дочрине Докучаева был основан замысел лесной полосы Вишневой — Каспий. И все же, как обоснованы, как доходили слухи до молодых строителей леса, обнаружались какие-то узвизные места. Какие? Никто не мог сказать ничего определенного. Да и что можно было сказать лесу, когда, как комсомольцам направлялся к Вишневой, лесная полоса начала отвечать всем требованиям жизни, и нельзя было выступать против нее, не рискуя пойти против самой жизни.

Как ни пыталась Валентина объяснить происшедшее, ей это не удавалось, и она видела лишь какую-то непонятную силу. Постоянно бредился ей сон, будто ворвался неведомо откуда и поражает комсомольские леса ураган, выветывает палатки с корнями, несет в туман, шлепает некрепкие еше деревца, срывает палатки в ветки, разбрасывает людей во все стороны, а вокруг все залито огнем, и земля кишит. Валентина видела в этом ужасном сне себя: урочайско, захлопнула свои заветы, все, что нельзя останюваться. Она мучилась, звала во все подруг и, проспавшись, долго не могла прийти в себя.

Постепенно кошмары утихли — пляма по-большому, остало и, наконец, утихло совсем. Валентина уже спокойно могла размышлять о том, что произошло на лесной полосе. Облеченный она так и не вышла, но успокоилась, решив, что комсомольские леса победить не могут. Для такого выхода у нее было достаточно веры в жизнь.

И она даже как-то оздоровела после этого, подняла голову, стала смотреть людям в глаза прямо и без боязни. Правда, она еще больно замкнулась, захлопнула свои заветы, все, что было ранее ей мильям: песни, подруги, сельские вечера, куда ей раньше все-таки удавалось попадать, — все это отодвинулось и словно затонуло в тумане.

Дли ее проходила все там же на ферме, в степи.

После того, как рабочие лесной полосы были уволены, Валентина вернулась в Красный Холм, в свой колхоз имени Буденного. Брига-

дир — он все помнил и ничего не забыл — вна-
да переутался, виноват было угрождать Ва-
лентине: ведь она была героиней, ее имя по-
вторили газеты несколько лет! Но затем он
увидел, что девушка уже не та, какой она бы-
ла, что она сокрушена и теперь уже не опасна.
Тогда он подсчитал все обиды, которые претер-
пел от нее, стеснения, неудобства, причино-
вые Валентиной, когда надо было отчитыв-
ваться строго за каждый литр молока, не упу-
скав ни одной десятой процента плава и про-
ке, и прочее. И он начал платить Валентине
сторубль. Штраф, вычета так и сыпался на
Валентину, а она, казалось, ничего не заме-
ла. Наконец бригадир поднял кулаки. Валенти-
на плюнула ему в лицо. И кулаки — здоро-
вые, женские — опустели на нее.

Заступиться оказалось никому. В селе Крас-
ный Холм были и прокурор, и милиция, и суд, и
множество другого разного начальства, но
заступничество, видно, не почиталось долж-
ностной обязанностью.

Жизнь шла так, будто ничего и не случи-
лось. Валентина продолжала жить на ферме.
Лишь изредка наведывалась она к матери: да-
леко было, да и времени не хватало. Валенти-
на с жадностью набрасывалась на всякую ра-
боту, бросая тек минут, когда вновь возни-
кал в памяти картин комсомольского досуга,
когда приходил к ней шум листьев и будто
навью выдвела она несомневаемую дубраву, как
стремяну, с шумом и рокотом идущую к
морю.

Ее переживания в эту пору обаялись но-
вой чувств, что пришло к ней, — она поня-
ла, что принадлежит не себе самой, а призва-
на отныне жить во имя другой жизни, той, что
проснулась у нее под сердцем.

Валентина готовилась стать матерью.

И когда она стала ею, картин прошлого,
возникая в ее воображении, уже не приносили
боли, а, напротив, были столь животворны,
столь освежающи! Держа сына на руках и слу-
шая шум тополя, под сенью которых ютились
птицы, Валентина размышляла над тем, како-
во теперь комсомольские леса, названного их
выросла, поселились ли в них птицы — в это
время предмет самых жутких тревог строите-
лей. Никаких известий о том, что
делается на лесной полосе, не было, не при-
ходило к Валентине ни единого живого звука
по этому поводу, будто канули в вечность
комсомольские леса и будто даже их не было
на свете совсем. Такое безвездие, пожалуй,
было все худшее для Валентины: это не
мешало ей рисовать различные картины в сво-
ем воображении, создавать пейзажи, представ-
лять прилет птиц в комсомольские леса, слы-
шать их многоголосие.

Из тех местной приколдовки к Валентине
образы ее подруг, она вспоминала об Алексан-
дре Токваре, о знаменитых трактористах Ба-
рышниковых. Но со временем эти лица тускне-
ли в ее воображении, черты их расплыва-
лись и концы концов исчезали, ибо их за-
менило единственное лицо, единственное чер-
та — сын, что уже поднялся на ноги и бега-
ет, гонится за паутиной, прилетавшей из осенней
лазурной степи.

Уже прошло три года, уже шел четвертый

год.
И осталась у Валентины лишь одна нить,
которую она была связана с прошлым, с ком-
сомольскими лесами, — это воспоминания о
Белобродом, большом старике-лесоводе, что
первым на додумал комсомольцев торопиться к
Вишневу.

Где он, кто он? Жив ли? Как добрался то-
гда в «свою степь» и принялся ли у него там
деревья?

X

Когда путник едет по Янью на лошке, открыва-
ются его взору зубцы неких зеленых кру-
гов. Стоит он по берегам, высотам, на кру-
чах и восторж, охраняют чистую лазурь реки.
Это и есть те самые леса, замечательные
комсомольские леса.

Степные жители говорят о них:

Наши сады!
Самая жизнь ашла на защиту Зеленого
Друга.

Осеню того же года, когда лесная полоса
Вишнева — Каспий была поставлена вне за-
кона, а на леса и лесников началось самое

Фотозапад Е. Умнова.

настоящее гонение, вмешалось правительство
и заступилось за народное дело, создав
механизированные лесные хозяйства и им
передала лесная полоса.

Зеленый Друг, лютерный так безумно, был
возвращен.

Всего лишь одну степь и одно лето прожи-
ли леса без догала. Ходили по ним стада
скота, гуляли топыри, старались лемеха плу-
гов, словно то был не лес, не Великий Друг,
а черный враг, чудше. К осени комсомоль-
ские леса стали подходить на войска, вышед-
шие на неравного боя: изумленные, еле живые,
невообразимо поредевшие, полуотчужденные.
Но они все еще стояли под холодным степным
ветром и все еще манили к себе птиц и чело-
века.

Только на участке Чкалов — Илек было по-
лучено две тысячи гектаров насаженных лес-
сов.

Было трудно поверить, что в советских усло-
виях мыслямо что-либо подобное. Все оказа-
лось нарушено: люди разберлись, техника ото-
брана и передана куда-то, организация дела
опозорена. И в этом отношении пришлось на-
чинать все сначала. Было это время незавид-
ное...

В великих трудах началось возвращение к
жизни полуживых деревьев, их выживание,
восстановление лесной полосы. От дерева к
дереву, от рядка к рядку, от гектара к гек-
тару каждый стебелек был оцупан руками
рабочих. Постепенно засаживались громадные
лесные, лесных и прогали в полосе. Святая
работ! Годы... один за другим, кропотливые
годы! И все это в безвездии, во всеобщем
молчании; долгое время газеты единодушно не
хотели писать о происшедшем на лесной по-
лосе Вишнева — Каспий, словно и не существо-
вало ее в жизни, словно все, что было сделано
там молодежью, а потом погублено и все-
таки спасено, будто все это доброго слова не
стоит!

А в это время комсомольские леса здоро-
вели и все гуще и величественнее становились
их стража над древней рекой.

Отлетела юность с заветных лесов, а дух
ее так и витает, так и кружит над шумящими
кронами и все рассказывает, все плещется
о горячих сердцах.

Иван Барышников идет по аллее лесной

полосы, что уже несколько лет как раскинула
и сомкнула свою роскошную кору, будто зе-
леный шафер. Шумит листья, лопочет, и будто
ответно ей отдается гулом земли. Хорош след
Беспорно хороо, потому что полюбилась пти-
цам: они поют, стрекочут, пищат там, в лес-
ве... Лес, лес! Глаза старого бригадира внима-
тельны, строги; он смотрит почву, чтобы ре-
шить, чем ей помочь, взор бригадира переко-
дит на стволы деревьев: по ним он читает и
знает, что нужно сделать тракторной брига-
де. Сложная грамота!

Бригада Ивана Барышникова выходила бо-
лее тридцати километров лесной полосы. Тут
и взрослые леса, и в пору молодости, и даже
в детской поро. Бригада Барышниковых не
успела, сохранилась — вместе с лесами она вы-
держала страшную бурю, выдержала и оказа-
лась сильнее той бури. Все трактористы брига-
ды на месте, работают: Александр, Николай,
Владимир, Юрий и неизменный друг семьи
Барышниковых — Василий Кашликов. Это уже
не молодые люди, не комсомольцы, а зрелые
отцы семейств. Что же касается до главного
отца — старого бригадира, то он не видит ни-
чего такого, что бы говорил, будто его
бригада постарела. Нет, дух юности остался в
ней, работа спорая, попрехнему горячая, с жар-
ом сердца. Вот лес, который больше всех вы-
держивал самый младший сын Юрий, — веселый,
мягкосердечный пареня, подкупающий всех
своим характером. У него и лес-то какой-то
веселый, приятный. Но такой же лес идет и
далее — там работала больше других самый
старший сын, Александр, — строгий, в отца
человек... Вышагивая мерно и неторопливо,
знает в лесах Иван Барышников и других
трактористов бригады: Николая, Владимира,
Василия. Нет, он не может перепутать! Леса
хотя и сложны, но есть в них такие черточки,
такие обличья, что не могут быть одинаково-
ными, видит их старый бригадир...

В то невероятное лето тракторная бригада
не ушла с полосы.

Это было странно. Иван Барышников, ре-
шивший посвятить жизнь всей семье новому
делу, отказался вернуться в ПТБ. Он не ве-
рил, что комсомольские леса могут быть, что
лесная полоса Вишнева — Каспий будет
степта с обложка советской земли. Не вернул
И как это было трудной. Руководитель ра-
бот — такой же твердости человек — умни-
ленно медлил с ликвидацией леса на своем

участие, подывая ответа из ЦК партии. Барышниковы и их друг Василий Калашников незаметно выносили тракторы на полюсу, а когда тракторы были отобраны совсем, работали вручную. Глядя на них, остались на полюсу и другие энтузиасты. Зарплата им никто не платил, новые лопата земля, по которой проходила лесная полоса, жестко гнали их прочь и даже грозил расправой. Постепенно полюса опустела. Кто же мог выдержать месяцы и месяцы без заработка, в условиях угроз и говетей?

А бригада Барышникова все не бросала своего участка. Не так просто было подступить к этим здоровенным и дружным парням! Они работали бесплатно, никому не мешали, только и всего, что не давали лес в обиду. И приходило их терпеть. Так они выжидали и победили...

Все это осталось в прошлом, и не о прошлом рамышлял старый бригадир. Многому научился и многие открытия сделали за эти годы работников леса. Оказалось важным в лесничестве упорное требование выращивать только дуб на полюсу, только дубом заниматься и только около дуб признавать; оказалась отсталой агротехника и вздорными эксперименты. Кабинетное руководство на министерском компрометировало великое народное дело.

И это ушло в прошлое. Лесная полоса Вишневая — Каспий тогда и вычеркнута из названий лесов, но она постепенно удлиняется: лесозащиты делают план, на ее трассе свисают дожди. Малы количество этих посадок, а трудно переопределить заслугу лесных пахарей перед Родиной. Трудится они в нелегких условиях: внимания к ним мало, техника у них слаба, стара, изношена; посадкой, что были возведены в свое время, почему-то отобраны и переданы организациям, не имеющим никакого отношения к лесам, и т. д., и т. п. Невеселые думы у бригадира.

За эти годы он сильно постарел. Рука и ногу, правда, больше потрепало старое и дала светилась ровным накалом, но плечи как-то подало книзу, словно весь он немного осел к земле. Голый Взрослый лес шумел над головой, а не было его тут и в помине, не шуртал И не Ник Барышников не перестал думать о том, что движение лесов к горе Вишневой и к Каспийскому морю должно быть ускорено, ускорено. Лесная полоса Вишневая — Каспий существованием своим требовала установления в правах. Такая жизнь этого требовала. А как это сделать, с чего начинать?

Барышников не думал начинать какое-либо ходатайство, куда-то писать, ставить вопрос. Нет, это было не по нему. Он обращался к той жизни, которая окружала его, и он мог разговаривать с ней запросто: сказал — сделал. Оставаясь один в лесу, старый бригадир немало передумал. И вот однажды вся бригада оказалась в сборе в бездом сарае, который раньше грелись выжигая старую лесозащиту. Зашел разговор все о том же: когда же лесная полоса Вишневая — Каспий получит свои права?

— Ну, кто бы ее мог поднять? — спрашивал бригадир у трактористов. — Ведь нельзя же так гнать лес!

— Уж больно медленно идет дело, — согласился Николай.

Александр — старше всех — понимал отца с полуслова и заговорил о главном:

— Лесхозу в территориальном подчинении под силу. Работы у него много: посадка леса в поясе Урала, эксплуатация, даже снохокс — все ему препоручено.

— Передать машинно-тракторным станциям лесхозу предложил Юрий.

И он засмеялся, засмеялся все.

Практика показала, что на одной полосе машинно-тракторные станции не выходили. Государственные планы по лесонасаждению — вполне посылные, реальные — не выполнялись колхозами с неизменной, из года в год, а машинно-тракторные станция этого слова бы не выдт.

— Что же тут предпринять? — доискивался отец.

Возвращение к прежним ЛЭС — лесозащитным станциям — для усиления существующих лесхозов техникой.

И то и другое казалось хоршим...

XI

Три года труда не могли залечить полностью те раны, что были нанесены лесной полосе. Она еще хранила на себе рубцы, выжигавшие проходы.

Но, видно, жизнь не хотела оставлять полюсу. Знойным летом 1956 года появился в комсомольских лесах тот, что некогда торопил комсомольцев двигаться к Вишневой, — белорусодый старик. Бывал он в разных местах: перескакивал через на берег, появлялся под Чкаловом, то на перевале к Илеку. Наконец, увидел его уже под Уральском. И он все расправлялся о лесной полосе, о ее людях, о пережитой беде.

Но все владности, это не был никакой начальник, ни полномоченный, потому что не требовал сведений, не созывал заседаний, а все тынулся к лесу. Там и ночевал не одну ночь.

Какое ему было дело, событий минувших, дел чужаей пережитых? А он словно все возвращал к началу, пристально рассматривал мыслы прошлого. Станция Чернореченская... Видел лес, как бы взойдящий на ветровую высоту яров. Лесная полоса заброшена, забыта собою, заросла по-полном, заросла в несколько метров высоты. Далее спуск у себя: линия полюсы сузилась, превратилась в вглы и исчезла.

— Что тут произошло? Где же лес? — спрашивал старик у проезжающего колхозника.

— Проездной кто махнул рукой, ответа кратко:

— Распахали! Станция Рачковка. Кое-где встали меж лесов, как степки, как строчки, кусты мелкоголистого вяза. В другом месте — поляны, бурьян... Еще далее — село, и признаки полюсы нет. Еще десяток километров — акации, клен — маленькие, слабенькие — растут по целине: тут уже затвердела земля... Изменяется станция, меняется и лесной полосе. Тут появились только одна линия полюсы. Куда же девались еще две могучие линии? Ведь тут стояли уже отвоиненные у суховея, уже выжогенные леса, и лесная полоса тут раздала взор! Таинственно жилая — человек с удивительными усами цвета шпешенной соломы, голубыми и, видно, правдолюб — покачал головой, соналез сокрушено:

— Перепахали мы ее, полюсу-то... Две линии перепахали. А потом спохватились, да было поздно.

Но вот наконец настоящий вид: у деревни Вторая Зубовичка лесная полоса звучит, гудит, лопочет листовой на ветру. Вся она прополота старательно, все дружно, ровна. С тумра на бугор, с увала на увал поднимается темнозеленая живая лавина, исчезая за горизонтом.

По левую сторону Янка комсомольские леса сохранились лучше и после трех лет ремонта и восстановления выглядели хорошо. Тут и люди живые — работают, оживают молодые деревца. Сразу от Красного Колма самого Илека — более пятидесяти километров слышь леса.

За Илеком — Казахстан. Лесная полоса шумит и злесь, линия ее — деревья высокие, сильные, смело стоят в знойной, лаяющем ветру, пыльном зальном балъзамического тополя тишет от них в степь.

На казахской земле тоже есть перерымы в полюсе. Но она живет, растет.

Так до самого Уральского и далее — за Уральск.

Все это видел белорусодый.

— Да, мой друг, живы комсомольские лесал — улыбаясь, рассказывал белорусодый Илеку. — Живы, и подвиваются суховею определено не хотят. С берегов Янка не уходят, вернут реку, как верные друзья! Такто, мой друг! И я все нашел и привез важные вести.

Белусодый нашел Валентину не сразу, куда о ней не забыл там, на лесной полосе. Поступила «Победа» мчалась туда, куда указывали люди. Много она исколесила дорси и проселков, пока не оказалась на степке, что вел к молочной ферме красноклового колхоза имени Буденного — к купе тополей в голый степи. Машина остановилась у пруда, водопой посток; в это время Валентина мыла большие железные баля.

Белусодый и женщина сразу же узнали друг друга. Но только ее приметная, как неслись, обильная светлая скользящая улыбка по губам Валентины, когда она подавала гостю руку и он бережно брал ее. У него дрогнула седая бровь. И только. А между тем две жизни — одна молодая, а другая старая — чуть-чуть выжили, и только, словно бы кинулись друг к другу. Было между ними что-то такое, что не пуждалось в словах и свидетельствах. Люди оставили их. Белусодый и Валентина стояли некоторое время молча. А потом она встала в лесную руку.

— Могу белорусодый говорить о любом участке комсомольских лесов, говорить много и в подробностях. Валентина слушала, припоминала:

— А что отвара? Если его не обнесит, не будет терять полосу, как зверь... А там выходя на берег, выходя на поверхность каменная жила — лес продали в расщелин. Вырос?

Отвечая, белорусодый смотрел в черные глаза этой женщины и не мог насмотреться: они были лишь чуть-чуть покойнее, чем тогда, в ту пору, чуть строже, поднимая им, смуглое лицо становилось озадаченными на какое-то мгновение, пробегал по нему даже испуг, но то были лишь тучки какой-то развешной бури. Ровно светилась жила и ровно звучал голый шпешенный.

— Как вы тогда доехали? — спросила она.

— Я все время думала о вас.

— Хорошо доехали, — отвечал белорусодый. — Меня спял и вымечал ваш лес; а ведь совсем было повалила оспа!

Тут же он отмахивался от воспоминаний и заговорил о том, зачем искал Валентину, зачем приехал к ней.

Предстояло большое государственное дело — восстановление лесной полосы Вишневая — Каспий в правах. Белусодый рассказывал, что коммунисты Оренбургских степей подумали, что в лесной полосе есть задел лесной полосой правительством. Стало ясно, расказывал белорусодый, выполнить те хозяйственные задачи, что возложены на Чкаловскую, Западно-Казахстанскую и Гурьевскую области, можно только тогда, когда будут восстановлены, нефть, нефть — трудно без лесной полосы Вишневая — Каспий, без полноводной артерии Янка, так оскудевшего нынче.

— Более того, — продолжал белорусодый, — не может развиваться весь юго-восток страны без восстановления этой артерии.

И он испытливо посмотрел на Валентину. Указывая на сына, что спал на нарах — разговор происходил в обихитии, — Валентина отвечала госто:

— Конечно, теперь комсомолу я дада отставку. Теперь вот, мой комсомол! — И она помолчала — А про лес скажу: если нынче, сейчас пойдут! Сердце у меня осталось комсомольское!

— Друг мой, очень хорошо! Спасибо вам! — пожимая руку Валентине, благодарил белорусодый. — Я знал, что вы найдёте, почему-то знал... Мы пойдем теперь широкой поступью, пойдем к Вишневой и к морю одновременно, двумя фронтами. Это будет замечательно. Кстати, я был у Барышниковых, и они принесли ветку Ас. А вот Токарев так и нет, и сына не вынул, что снова отдадут свои силы тому, с чем было связано у них столько прекрасного, возвышенного, милого и дорогого сердцу, то есть была связана сама юность.

«А лесу, кстати, что же вы за мота?» — спрашивала она Валентину.

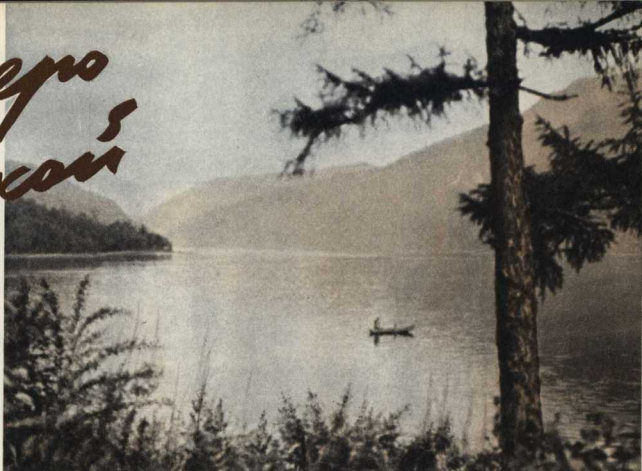
Белусодый отвечал улыбаясь:

— Ваши сын величе; был ураган, точнее, ветер. Но, видите ли, леса вообще хорошо противостоят порывам стихии.

— Да, это правильно, — проговорила Валентина серьезно, без улыбки.

Семеро с собакой

≈ ИЗ АЛЬБОМА
ТУРИСТА ≈

Семеро молодых людей — сотрудников разных институтов Академии наук — мичушим летом отправились в путешествие по Алтаю. В далекий поход туристы взяли и маленькую сибирскую лайку — обладательницу грозной клички — Бой. Молодые путешественники побывали на Телецком озере, прошли горными тропами Абаканского хребта; на плоту, преодолев множество порогов и быстрин, спустились в низовья горной речки Абакан.

Было на этом пути много интересных встреч и впечатлений. Были у маленькой экспедиции и свои события, приключения. Обо всем этом и рассказывают фотографии участников похода В. Гукова, В. Байковского и В. Чернишева.

Над озером всходило солнце, когда мы с нашим четверногим другом отправились в плавание.

Первыми, кого мы встретили на туристской базе Телецкого озера, были два медвежонка. Увидев новичков, звери потренировались «пошлину».

На берегах Телецкого озера мы встретили очень интересного человека. Это был Николай Павлович Смирнов, приехавший на Алтай тридцать лет назад. Он с гордостью показал нам свой фруктовый сад, который он вырастил на скалистых берегах Телецкого озера. Мы запечатлели Николая Павловича Смирнова с женой и детьми.

Сверкая мириадами радужных брызг, с грохотом низвергается со скалы водопад...

Иногда путешественникам было тяжело...

Открывшейся перед туристами панорамой был очарован дане Бой.

Спуск плота на воду — дело совсем не легкое.

Вот он, красавец-плот, уже на воде. Было решено назвать его «Три-Тоном».

Разве можно забыть эти чудесные зори на Абакане!

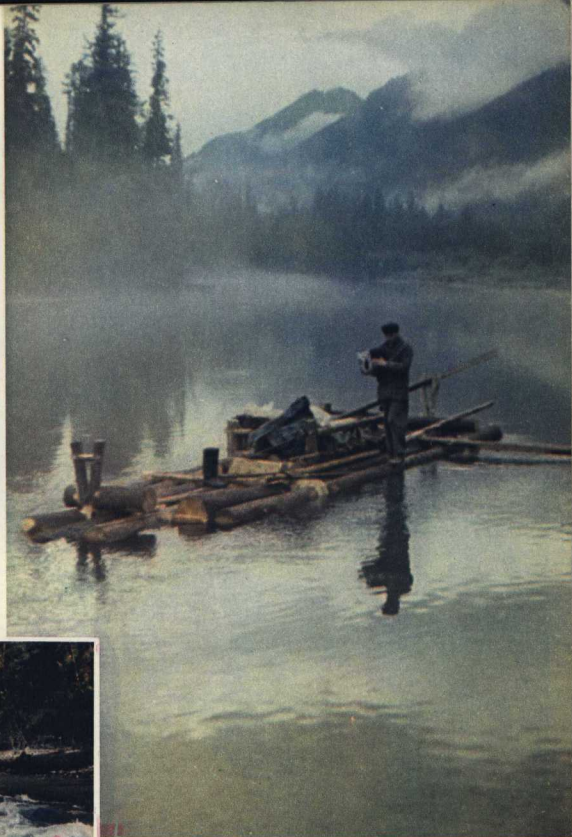
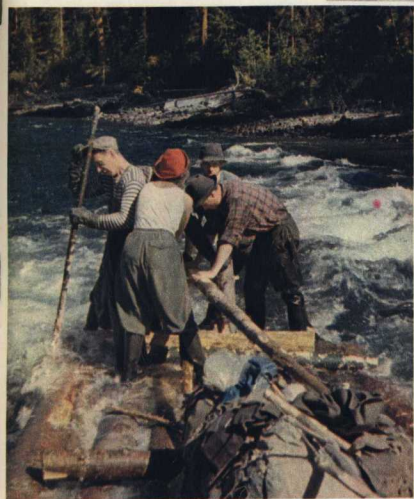

Обед на плоту.

После вахты друзья слегка вздремнули...

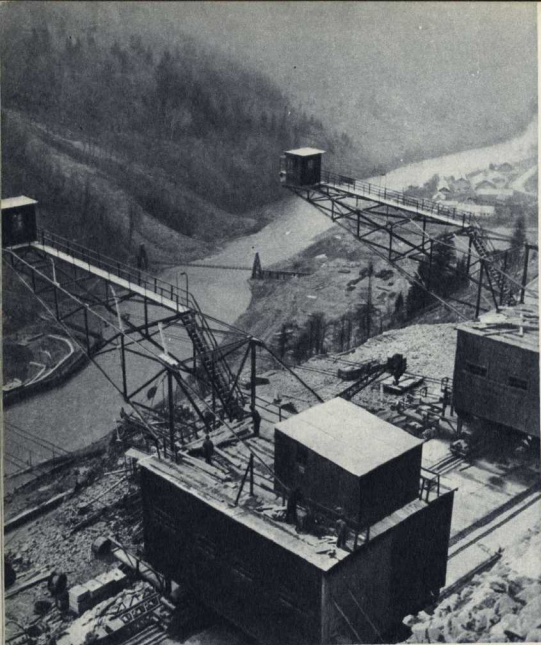
И вдруг удар... Порог поднялся неожиданно.
Мы прочно въехали на торчавший из воды камень.

В этом месте мы покинули свой чудесный «Три-Тон».

Вот и Москва! Друзья и знакомые горячо поздравили нас со счастливым окончанием интересного, увлекательного путешествия.

Десять лет назад, 30 декабря 1947 года, Румыния была провозглашена народной республикой. Разительные перемены произошли за это время в жизни освободившегося народа! Полный надежды и веры в светлое будущее, он строит социализм. Во всех уголках страны кипит созидательный труд... И а с и м к а х: слева вверху — строительство мощной гидроэлектростанции на реке Бистрица; справа внизу — уборка урожая в сельхозе «Урляска» (Галацкая область); слева внизу — семья дунайского рыбака Ивана Куданца готовят рыболовные сети; справа вверху — в одном из детских садов г. Бухареста.

ГРАНИЦА ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Дело происходило 11 октября 1916 года. Я точно запомнил дату, а почему, видно будет из дальнейшего. Только что окончилось собрание, на котором мы, разрозненные противники войны, — англичане, русские, французы, итальянцы — еще раз яростно ждали как усилится ковер кривопроходной империалистической войны.

В обстановке ожесточенной борьбы между двумя военными коалициями это было неслучайно, и потому на нашем собрании было много споров и дискуссий. Но, хотя никакого практического решения в итоге принято не было, все мы разошлись в сильно приподнятом настроении. У всех было такое чувство — трудно даже сказать, откуда оно брало, — что мир неудержимо несется к каким-то великим событиям, которые должны в корне изменить суть человечества и открыть перед ним ворота к царству мира и благоденствия.

Я вышел с собрания вместе с одним английским знакомым по имени Дэвис. Присходил он из Уэльса, лет ему было за шестидесять. Высокий, худой, неуклюжий, с темными волосами, в которых уже ярко светилась седина, Дэвис походил на забавную детскую игрушку — фигуру человека, которая может складываться под прямым углом. Самое замечательное в Дэвисе было его глаза: большие, лучистые, с сумасшедшиной. Взглянув в них, вы сразу чувствовали, что имете дело с необыкновенным существом: не то гением, не то безумцем. Как как, подобие яркости строения, которое в жизни так уж часто, то Дэвис стал типичным английским «чудаком». Он питался исключительно молоком и свежими орехами, носил одежду, сотканную только рукой человека, и не признавал никакого транспорта, кроме лошадей. В возмездие Дэвиса было много от английских утилистов-социалистов, но он состоял членом «Независимой рабочей партии» и занимал резко антиновое положение. Личная судьба Дэвиса сложилась горько. Вскоре ему пришлось покинуть родину, в старости лет, он перебивался с хлеба на квас мелкой журналистской работой. Его специальность были знаменательные даты. Он держал в памяти сотни таких дат и каждый день, заходя в ту или иную редакцию, многозначительно заявлял:

— А вы знаете, завтра исполняется двести лет со дня...

И он называл какое-либо событие, сыгравшее крупную роль в политической, военной, экономической или культурной истории Англии. После этого Дэвис либо выгоняли из редакции, либо, наоборот, приглашали присесть и немедленно написать небольшую заметку к завтрашнему номеру о названной им дате. И Дэвис писал тут же, на колючке бумаги, никогда не заглядывая ни в справочники, ни в энциклопедию. Ибо память у него была изумительная, и за долгие годы он накопил в своей голове огромное количество самых разнообразных сведений.

Вот вместе с этим человеком я возвращался в тот памятный вечер домой. Было холодно, скро, и резкий ветер раздувал наши пальто. После нескольких поворотов по узким известным улицам мы вышли на площадь в Портланд-парке и быстро зашагали по направлению к Риджент-парку. Вдруг Дэвис вздрогнул и остановился. Я машинально сделал то же самое и с недоумением посмотрел на своего спутника. Но он двинулся и молча вписался в высокий мрачное здание, стоявшее на углу Портланд-парка и Вестминстер. При бледном свете полуприглушенного фонаря (в Лондоне тогда было затмение) я прочитал на доме номер: «49». Не зная, как объяснить поведение Дэвиса, я спросил его, почему-то приглушая голос:

— В чем дело, мистер Дэвис?

Дэвис быстро обогнул меня своим полусумасшедшим взглядом и, в свою очередь, спросил:

— Вам знакомо имя Сунь Ят-сена?

«Не так давно торжественно отмечалось 40-летие со дня рождения великого сына китайского народа, выдающегося революционера-демократа, пламенного борца за свободу и независимость своего народа, искреннего друга Советского Союза — Сунь Ят-сена».

Владимир Ильич Ленин высоко ценил личность неугнутаемого Вунь Сунь Ят-сена за распространение Китая, вынужденного тогда чужеземными игом. Именно ввиду революционной программы, провозглашенную Сунь Ят-сеном, Владимир Ильич писал: «Идеи нашего действительно великая идея Китая действительно великого народа, который умеет не только оплотнеть свои военные ресурсы, но и бороться за свободу и равенство, но и бороться с немощными угнетателями Китая».

Борьба за счастье своей родины, Сунь Ят-сен не раз подвергал опасности. Значит, приговоренный к смертной казни, он в 1895 году вынужден был эмигрировать за границу. Приблизительно в это же время и относится события, описываемые в публикуемых ниже воспоминаниях Владимира И. Майского.

— Знакомо, — ответил я. — Это известный китайский революционер...

— Правильно, — подтвердил Дэвис. — А вы знаете, что это за здание?

— Нет, не знаю.

Дэвис вдруг пришел в сильное возбуждение и, посмотрев на меня странными глазами, воскликнул:

— Это — китайское посольство. И сегодня одиннадцатое октября... Да, да, сегодня как раз двадцать лет с того дня, когда это случилось.

— Да что именно случилось? — в недоумении спросил я.

Дэвис крепко схватил меня за руку и потащил за собой.

— Подведем в Риджент-парк, — бросил он на ходу, — сидем на лавочку... Я вам расскажу... Это довольно длинная история.

И когда в темноте промозглое октябрьское воем мои кое-как примостился на садовой скамейке, я услышал из уст Дэвиса повесть, которую скорее можно было бы считать продуктом горькой восточной фантазии, чем прозаическим фактом лондонской действительности.

В конце 80-х годов прошлого века молодой Сунь Ят-сен поступил в качестве студента-медика в английский университет в Гонконге. Здесь он близко сошелся с семьей одного из своих преподавателей — профессора Джима Катлиа. По окончании университета Сунь Ят-сен принял активное участие в национально-революционном движении тогдашнего Китая

Сунь Ят-сен.

и очень быстро стал его крупнейшим вождем. Богдыханское правительство преследовало Сунь Ят-сена по пятам, и его агенты гонялись за великим революционером по всему свету. Тем временем Катлиа, оставив работу в Гонконгском университете, переехал в Лондон и поселился здесь, на Девоншир-стрит, 46, в двух шагах от китайского посольства. Это было, конечно, чистой случайностью, но она сыграла свою роль в том событии, о котором мне рассказывает Дэвис.

1 октября 1896 года Сунь Ят-сен секретно и на короткий срок приехал в Лондон. Никто, кроме Катлиа, не должен был знать о его пребывании здесь, и Сунь Ят-сен был уверен, что никто об этом действительно не знает. Однако к своему старому другу Катлиа китайский революционер навелся дважды утром.

— Одиннадцатого октября утром, — рассказывал Дэвис, — то есть как раз двадцать лет назад, Сунь Ят-сен, как обычно, шел к Катлиа. Было воскресенье. Подходя к дому Катлиа, Сунь Ят-сен неожиданно натолкнулся на двух китайцев. Они заговорили с ним, и при том на его родном кантонском диалекте. Вопреки обычной осторожности Сунь Ят-сен, полагаясь на свое незнакомство, не только вступил в оживленную беседу с земляками, но даже согласился на минуту зайти к ним на квартиру, находившуюся рядом, в соседнем доме. Однако едва Сунь Ят-сен переступил порог этого дома, как двери за ним захлопнулись и великий революционер оказался в западне. Только тут он сообразил, что дом, занимаемый земляками, является частью китайского посольства, но бежать было уже поздно.

Итак, богдыханское правительство понимало, что это смертельное афера! Однако оно не решилось убить его в Лондоне и потому приказало своему посланнику в Англии тайно отпустить Сунь Ят-сена на китайском корабле в Китай. Пока же, впредь до окончания всех подготовительных дел, Сунь Ят-сен должен был поселиться в посольстве под арест и полностью изолирован от внешнего мира. Сунь Ят-сен, однако, был не из тех людей, которые легко канитулируют перед судьбой.

— Сначала, — продолжал Дэвис, — Сунь Ят-сен пробовал бороться с охранниками, в которой был заключен, небольшие записки на ушлу с просьбой к прохожим известить Катлиа о его аресте. Но из этого ничего не вышло: единственное око темницы Сунь Ят-сена выходило на крышу, которая, в свою очередь, со всех сторон была окружена другими высокими крышами. Тогда Сунь Ят-сен сделал попытку подкупить кого-либо из китайских слуг посольства и через них связаться с Катлиа, но и тут его постигла неудача. Все китайские слуги были страшно запуганы и если некоторые из них даже сочувствовали Сунь Ят-сену, то боялись это в чем-либо проявить. Положение казалось безнадёжным. Однако Сунь Ят-сен не хотел сдаваться. Он неутомимо искал пути спасения и наконец нашел их.

Кроме китайских слуг, в посольстве были также английские слуги. Один из них, некий мистер Коу, обнаружил известную симпатию к заключенному. Сунь Ят-сен немедленно использовал эту симпатию и разыскал Коу, что стремился лишь к созданию в Китае порывков, похожих на английские, и что если ему не удастся бежать из посольства, то на родные его ждет смерть от руки палача. Свою услугу прагматично Сунь Ят-сен подкрепил известной суммой денег. Все это произвело на Коу сильное впечатление. Он был взволнован и поделился своими чувствами с своей соотечественницей миссис Хау, которая тоже работала в китайском посольстве в качестве экономки. Миссис Хау была женщиной доброй и приняла близко к сердцу судьбу несчастного узника. Она согласилась передать Катлиа записку Сунь Ят-сена, но только выножить. В результате в субботу, 17 октября вечером, то есть через шесть дней после ареста великого революционера, под

входную дверь дома, где жил Кангли, была поднута следующая записка:

«С прошлого воскресенья ваш друг сидит в заключении в китайском посольстве. Его соборники отправили в Китай, и вы не можете повесить. Очень жаль бедного человека. Если немедленно не будут приняты меры, его увезут, и никто об этом не узнает. Я не решаюсь подписать свое имя, но верьте: все, что я говорю, имеет полную правду. Если вы не сделаете, будет поздно. Его имя, как всегда, Лин Ев-сен».

Когда терпящийся в догадках Кангли узнал наконец, что случилось с Сунь Ят-сеном, он развил бешеную энергию для спасения своего друга. Однако сделать это оказалось легко.

Прежде всего Кангли бросился в местную полицию (район Мэрилебон), а также в Скотланд-Ярд. Его выслушали вежливо, но недоброжелательно и в заключение пожаловались на недостаточность доказательств. Этого фантастического происшествия в самом центре британского столичного.

Не добившись толку от полиции, Кангли в тот же вечер явился в квартиру британского консула в китайском посольстве. Там его встретил Халлидей Мак-Картней, но не застал его дома: была суббота, наступил священный день для англичан «Юик энд» («копей неделя»), официальная жизнь замедляла до понедельника, и все уважающие себя люди развлекались по домам и в поместьях.

Ночь с 17-го на 18-е Кангли не спал. Голова его горела, и он все измыслил способ, как помочь Сунь Ят-сену. Утром 18-го, в воскресенье, Кангли обратился к некоторым китайским сановникам, ранее занимавшим высокие посты в Китае, и пытался заинтересовать их судьбой китайского революционера. Но тщетно: сановники отказались вмешаться в это дело, считая, что им только казало бы, пожимая на смену на «Тысячи и одной ночи».

Между тем от Сунь Ят-сена поступило новое сообщение, доставленное на этот раз Колею, сообщение, главнейшее, что через два дня он будет увезен в доки и посажен в китайский суд. Надо было спешить. Кангли опять бросился в Скотланд-Ярд. Несмотря, однако, на все его мольбы и убеждения, Скотланд-Ярд и на этот раз отказался, что-либо сделать.

В полном отчаянии Кангли Двэис Кангли решил обратиться в Форейн Оффис (английское МИД). Конечно, по случаю «Юик энд» и здесь царила полная пустота. Кангли вызвался как-таки дежурного чиновника и явился в страданиях к горничной, которая ему сказала, что он уже раньше несколько раз сообщил другим лицам. Вначале молодой дипломат смотрел на Кангли такими глазами, точно речь шла о странных похождениях на Луне, но потом он заинтересовался его словами и даже обнаружил известную симпатию к китайскому языку. В конце беседы чиновник обещал, что завтра, когда начнется вернутся из-за города, он обо всем доложит, кому следует. Это несколько обидело Кангли, но не оставило его в непокое. Поэтому прямо из Форейн Оффис он зашел в редакцию «Таймс» и рассказал дежурному сотруднику о похищении Сунь Ят-сена. Сотрудник решил, что имеет дело с сумасшедшим, и чтобы не раздражать бедного, записал рассказ Кангли, не имея передать его редактору. Между тем наступил вечер. Кангли охватило страшное беспокойство — а вдруг в течение этой ночи китайское посольство куда-нибудь уездет. Сунь Ят-сен и Кангли решили нанять детектива, который, не отлучаясь, следил бы в этом доме «49». Увы! «Юик энд» пошел уже и за домом: даже детективы по случаю воскресенья разбрелись кто куда. Тогда Кангли решил нанять детектива и в самом деле нанял детектива и вступил с 18-го на 19-е простоя, не смыкая глаз, на углу окошко китайского посольства. Одновременно он предпринял «психическую атаку» на врага. Вечером 18-го Кангли направил в китайское посольство письмо от своих друзей, и тот соборник принимающему его переводчику, что Форейн Оффис известно о похищении Сунь Ят-сена и что Форейн Оффис принимает надлежащие меры.

Сильный порыв ветра прокатился по парку, и мне собой холод и сырость, но я не шлохнулся и только спросил:

— Что же было дальше?

— Дальше произошло следующее: чиновник Форейн Оффис исполнил свое обещание. В понедельник, 19-го утром, он сообщил начальству

о своем разговоре с Кангли. Начальство заинтересовалось. Вся история была доложена самому министру иностранных дел лорду Солсбери. Солсбери был весьма любезен к китайцам, революционером — китайским или иным национальностям — не пытал никаких симпатий. Однако у него были свои понятия о стандартах цивилизации, и притом очень твердые. Полагая на эту тему, что Китай, живя в домашних тюрьмах уже, может быть, естественно в Кантоне или Пекине, но в Лондоне... В Лондоне это было возмутительно!

Это не соответствовало английскому стандарту цивилизации. Это к тому же противународно репутацию Великобритания, как культурной и благоустроенной страны. И лорд Солсбери решил вмешаться в судьбу Сунь Ят-сена. Скотланд-Ярд получил необходимые указания, и шесть детективов внезапно появились в китайском посольстве, следя за ним днем и ночью. Обремененные этим друзьями революционер уловили свои усилия для его освобождения. Они хотели применить к данному случаю закон о неприкосновенности личности, но суд отказался пойти по этому пути. Тогда Коля, который теперь окончательно перешел на сторону Сунь Ят-сена, предложил только выпустить его на крышу посольства и таким путем избежать возможности погребения в Скотланд-Ярд. Кангли нашел этот способ слишком рискованным...

— Чем же кончилось дело? — перервал я Двэиса.

Кангли добился-таки своего, — отвечал Двэис. — Двадцать третьего октября в китайское посольство явился делегация в составе трех человек: Кангли, инспектора Скотланд-Ярда Джарвиса и чиновника Форейн Оффиса. Двэис сэр Халлидей Мак-Картней представил британское правительство при китайском посольстве, о котором я уже упоминал. Роль его во всей этой истории была очень странная, чтобы не сказать больше. Делегация авторитетно потребовала освобождения Сунь Ят-сена. Мак-Картней сначала пытался увильнуть от прямого ответа. Тогда чиновник Форейн Оффис дал ясно понять, что вопрос стоит так: или Сунь Ят-сен будет немедленно освобожден, или освобождение подвергнется обыску... Конечно, обыск посольства является мерой исключительной, противоречащей веками установившейся дипломатической практике... Но ведь и похищение задержание или в стенах иностранного посольства тоже является мерой исключительной, противоречащей веками установившейся дипломатической практике... Стало быть... Слова чиновника Форейн Оффиса имели магический эффект: спустя несколько минут после того глубоко взволнованный Сунь Ят-сен оказался в объятиях Кангли, и великий узник тут же в подвальном этаже посольства был вручен Коле, а на нем делегация и инспектор уехали через заднюю дверь сразу вышли на улицу. Вождя китайской революции был спасен...

Несколько минут прошло в молчании. Я был глубоко взволнован тем, что только что услышал, и мысленно перебрал различные жесты и освобождение Сунь Ят-сена. Двэис закурил свою трубку и, медленно похлывая огнем, неподвижно смотрел в темноту ночи. Наконец я спросил:

— Как вы узнали все эти подробности? — Это же моя специальность, — с усмешкой ответил Двэис. — Похищение вождя китайской революции в Лондоне случается не каждый день, и это — анатомическая данность. И я сразу же собрал все относящиеся к этому сведения.

Двэис еще раз пыхнул своей трубкой и уже в более интимном тоне прибавил:

— Впрочем, сделать это было нетрудно. Вся история была в газетах. Сенсация была широко тиражируемая. В течение нескольких недель в Англи только об этом и говорили!

Двэис на мгновение задумался и затем продолжал:

— Странная штука жизнь! Конечно, Сунь Ят-сену пришлось пережить двенадцать скверных дней, но китайская революция от этого

— Записанный мной рассказ Двэиса по поводу похищения и освобождения китайского революционера, в частности, вышедший в 1939 году в Лондоне книгу «N. Cantlie and G. Seaver — «The Capture of Sun Yat-sen», посвященному Кангли. Текст английски миссис Хоу, привнесенный выше, взят из этой книги.

только выиграла. Уверюсь вас, что годы и годы упорной, настойчивой пропаганды не сделали бы столько для популяризации ее идей в Европе, как это драматическое похищение Сунь Ят-сена, которое, к счастью, окончилось так благополучно...

Двэис еще раз замолчал и потом прибавил в тоне философского заключения:

— Всякая медаль имеет две стороны.

Простоя 16 лет.

История началась за эти годы с головокружительной быстротой. Отгремела первая мировая война. Произошла гигантская революция в России. Подросло советское социалистическое государство. Разматывались глубокие экономические и политические противоречия в Европе и на других континентах. Совершилось мощное пробуждение колониальных и зависимых народов...

И в связи со всем этим какие чудеса сказочных превращений произошли в судьбах отдельных людей!

В октябре 1932 года я вновь попал в Лондон. На этот раз уже не в качестве революционного эмигранта, преследуемого царским правительством, а в качестве чрезвычайного и полномочного посла Союза Советских Социалистических Республик.

Дипломатический этикет предписывает каждому вновь назначенному послу сделать визиты известности другим иностранным послам, ранее его аккредитованным при главе данной державы. Следуя этому правилу, я посетил ряд своих коллег. В их числе был и китайский посол, который в те дни представлял коммунистическое правительство Китая.

В мурый ноябрьский день я подошел к сумрачному зданию на Портланд-плейс, 49. Оно было такое же, каким я его видел 16 лет назад, в ту бурную октябрьскую ночь, только лондонской ночью было прохладнее и светлее. Двэис отворил дверь в пестрой лифчик с гаузином. Китайский посол принял меня в кабинете, и минут двадцать мы вели с ним разговор на текущие политические темы. Китайский посол, как и прежде, чрезвычайно вежлив, несколько раз упомянул, что является большим поклонником Сунь Ят-сена.

Когда разговор был закончен, я поднялся и, прощаясь с послом, спросил:

— Да, известно, — подтвердил я и прибавил: — Не могли бы вы мне показать мне, где именно Сунь Ят-сен находился в заключении?

— Охотно покажу, — воскликнул китайский посол, следуя за мной.

По лестнице, и востинтам узкого шеститупенчатого здания посольства мы поднялись на самый верх и через крохотную дверцу вошли в низкую, полукруглую мансарду, где двумя человекам негде было повернуться и вынуть из кармана подтянутую окоченку. Двэис был совершенно прав: окоченко выходило на плоскую крышу, которая со всех сторон была окружена другими, более высокими острокоными крышами. Теперь мне было вполне понятно, почему Сунь Ят-сен никак не мог выбраться записку из окна на улицу. Эта мансардная комнатка ужасно походила на тюремную камеру.

Был здесь и просидел двенадцать дней Сунь Ят-сен, — проговорил китайский посол. — Я хочу превратить место его заключения в маленький музей.

Действительно, на стене мансарды висел портрет Сунь Ят-сена в гаваты и в белом китайском национальном цветнике, а на небольшом столике лежали сочинения Сунь Ят-сена, книжки по истории китайского национального движения и другие материалы, характеризующие развитие Китая после революции 1911 года.

Я стоял, оглядывая суровую темницу Сунь Ят-сена, и мне казалось, что через два времени китайский революционер проглотит мне руку. Я был поглощен чувством, что в этот миг я прикоснулся к дымяно ведающему в истории.

Ноябрь, 1956 г.

Владимир КАШИН

ВАЛЯ

Рассказ

Рисунок А. Паукова.

И в этот вечер работа не ладилась. Валя время от времени откладывала в сторону рефсфедр и принималась напевать для вальсеров по небольшой, тесно установленной мебелию комнате.

Косте совсем не нравились эти варианты выходы. Четыре вечера приходится он сюда, чтобы помочь начертить проекции муфты, а свои уроки из-за этого вынужден готовить поздно ночью. Сегодня можно было надеяться, что чертёж наконец-то будет закончен: на белом листе ватманской бумаги, наколотом на столе, уже все нанесено карандашом, осталось лишь обвести контуры тушью. Однако девушка словно умышленно затягивает время. Нет, он категорически откажется помогать, если Валя не перестанет лениться...

Вообще какие-то странности происходят с Валей: учились в институте, чертила хорошо, а теперь, в технической школе, будто разучилась. Сама не в состоянии представить ни «вид сбоку», ни «вид спереди», ни «вид сверху» лежащей перед нею детали. И только когда Костя, склонившись вместе с ней над столом, терпеливо объяснит, где нужна сплошная линия, а где пунктир, чертёж у Вали как будто получается...

— Валя, а Валя! Ну, хватит... Не балуй! Чертит надо.

— Я еще не отдохнула! — засмеялась в ответ Валя. — Тебе хорошо командовать, а я устаю, да и голова у меня сегодня тяжелая. Давай лучше потанцуй.

Она протянула ему руку, ласковые девичьи руки с тонкими пальцами, покрайнами крапичками туши, и Костя завился ружманом.

— Медведь! — рассердился Валя.

А потом она снова засмеялась, и от ее гром-

кого смеха тоненько задрезбжали на буфете фарфоровые чашечки.

— Ну, я пойду! Мне некогда, — мрачно бросил Костя. — А ты отвяжись двоекку.

Валя перестала кружиться, закинула хосу за плечо и вышла в руки рефсфедр. Но не успела она набрать тушь, как в дверь постучали. — Войдите! — отозвалась девушка.

Порог переступил высокий, стройный паренек с большим рулоном подмышкой, в широком пальто и шляпе.

— Ба! Знакомые все лица! — звучно произнес он, увидев Костю. Потом обернул взглядом комнату, стол, на котором лежал незаконченный чертёж. — Чертим?.. Выходит, меня опередили. Жаль...

Гость развернул рулон и показал прекрасную вымпольный чертёж муфты в трех проекциях.

— Я кто идти? — спросил он сразу же. — Садись. Вот это да! А мы тут мучаемся! — усмехнулся Валя. Лукваие искорки мелькнули в ее глазах; она забрала чертёж и, свернув его, положила на этажерку. — Спасибо, Вадик!

Костя сбросил пальто и сел на диван.

— Костя все равно не сделал бы так, как и тебе повезло, Петерка обеспечена — сказала он, закуривая. — Я посидел два вечера старался. Неприятно было смотреть, как ты у него кланчишь: помоги да помоги... Ставь теперь магарич.

— Это уже неестно, Вади! — воскликнула Валя. — Какой магарич? Я-то не просила тебя. Ты сам. А впрочем... — Она на мгновение задумалась, потом глянула на буфет. — Попроbum мамину наливку.

Валим подошел к столу и начал вытаскивать кнопки, которыми был прикреплен незаконченный чертёж.

— Не тронь! — рассердился Костя. — Мальчишка — обернулся Валя, — расстели газету на круглом столике. Костя категорически отказался пить.

— Мена от вина тошнит. — Красная девица! Это даже не вино, а домашняя наливка, — заметил Вади, с наигранной ласковостью опрокинул свою рюмку в стакан: — Давай, Валя, потанцуй.

— Тесно у нас, — ответила Валя, но поднялась, включила радиолю и, протягивая к Косте свои руки, испещренные брызгами туши, спросила: — Ну чего ты хмуриться, Костя?

— Я не танцую! — это ответил Костя.

— Ах, ты, ежик! — бросила Валя и, встравив косой, положила руку на плечо Валима. Круглос с Валимом между столом и радиолю, она все время старалась застыть Костю. Это становилось нестерпимым. Казалось, девушка открыто издевается над ним. Костя поднялся и стал поспешно одеваться.

— Костик! — вскрикнула Валя и сняла руку с плеча Валима. — Куда ты?

— Чужими трудами недолого проживешь! Не советую! Прощай!

— Ну, что ж, иди, пожалуйста!.. — вскрикнула вдруг Валя.

Костя хлопнул дверью так, что фарфоровые чашечки ойкнули.

На улице падал снег. Воздух был холоден, свеж, но и здесь Косте нечем было дышать. Ни месяц, ни звезды не выглядывали из-за снеговых туч. Безлюдно и темно было на улицах посёлка. Только за палисадником, занесенным снегом, красноватым светом горело окно. Костя быстро прошел мимо него. И ноги его больше здесь не будут!.. Но через несколько минут он зашагал медленно, потом остановился, постоял на месте, вынул из носком ботинка снег и побрал назад. Перешагнул через невысокую ограду палисадника, он заглянул в окно.

То, что Костя увидел, почти не требовало объяснений: Валя, стоя спиной к окну, поднимала на цыпочки, руки ее тянулись к Валиму. Костя часто зашамол и стесно заступил носом, словно его заволок тонкой пленкой. Он отшатнулся, вытер рукой лоб и чуть не бегом перемахнул через ограду палисадника.

Но и на этот раз он не ушел далеко. Что-то не давало ему уйти отсюда.

У обочины лежали телеграфные столбы. Костя в раздумье усеялся на них. Было холодно и не найдя их, он заснул руки в рукава. Но теплее от этого не стало. Только теперь Костя по-настоящему оценил всю прелесть вчераш у Вали... И вдруг Костя увидел Валима, которая часто зашамол и стесно заступил носом, словно его заволок тонкой пленкой. Он отшатнулся, вытер рукой лоб и чуть не бегом перемахнул через ограду палисадника.

— Ты здесь? — растерянно спросил Вади, заметив Костю. — Странная эта Валя! Взяла чертёж, благогарияла, а потом прогнала. Говорит: «Я сама могу начертить не хуже васе обоим». Навалила мне плечу, сушила чертёж подмышку — и будь здоров, Вади! Форменный образчик ненормальная. Ну и публика, эти девчата!

Вади пожал плечами, постоял немного возле Кости и побрал по улице.

И внезапно Косте все стало понятно. Он вскричал с бревен и закричал:

— Вади, обожой! Она тебе как сказала? Но Вади не слышал: он уже успел завернуть за угол. Тогда Костя подбежал к двери валимского дома, занес руку, чтобы постучать, и... не постучал. Он перепрыгнул через ограду и снова прижался к стеклу.

Валя сидела за столом и чертила. Лицо у нее было мрачное, сердитое. Вдруг она проснулась, встала, подошла к столу и прижала к щеке. Костя взгляделсь внимательно: в руке у Вали были очки перчатка...

Густо падал снег. Легкие его пушинки, падая за воротник, таили и скатывались тоненькими холодными струйками. Но теперь Костя было не до этого...

Перевод с украинского
В. ЕФИМОВА.

НАМ ПИШУТ ИЗ ЧИЛИ

В №№ 11 и 12 «Смены» были опубликованы очерки «Дети Мачо» и «Купцы на площади», написанные чилийскими студентами Рональдо Рамиресом и Фернаном Меса, гостившими в Москве.

Сейчас эти славные парни у себя на родине, в далеком Сантьяго, но они не забывают своих московских друзей, читающих их. Некоторые из этих писем мы публикуем.

Фернан Меса.

ми, должен был с горечью признать, что мы очень бедная страна и даже тот похвальный блеск, который пытался навести на центральную часть города, не может скрыть страшного лица нищеты. Улицы показались мне менее светлыми и чистыми, то тут, то там я замечал дома с облупленными стенами, с отвалившейся штукатуркой, и на каждом шагу попадались маленькие дети, просящие милостыню.

Я увидел мою страну не такой, как представлялась она мне издали, а такой, каковая она есть в действительности. Наша поездка в Москву вызвала большой интерес у жителей Сантьяго. Нас спрашивали, просят рассказать обо всем подробно. Одним словом, мы уже получили приглашение на обед и ужины на целый месяц от самых различных людей, желающих послушать нас.

Если бы вы могли услышать, какие нелепые вопросы нам задают: «Едет ли русские моряки?», «Есть ли у них автомобили?», «Я слышал, что русские не носят носов, скажите, как они узнают время?», и т. д., и т. п. Иногда просто не знаешь, как ответить — серьезно, или шуткой, или попросту ступнуть хорошо такое болван! Но нам все-таки легко отвечать людям потому, что мы только что вернулись из Советского Союза и в руках у нас убедительные факты.

С приветом Рональдо.

Друзья! Вернувшись домой, я нашел на столе ваше письмо и два номера «Смены» с нашей статьей. Спасибо.

Вы не можете себе даже представить, как нам было приятно

узнать, что в «Смене» нас помнят. Мы тоже постоянно вспоминаем наших советских друзей. На всю жизнь в наших сердцах запечателась дин, проведенные в Москве, ее улицы, площади и парки, театры и музеи. Вы, советские люди, не можете и вообразить, что значило для нас посещение Москвы.

Всего десять дней, как мы приехали домой, но нам уже кажется, что мы никуда и не уезжали. Странное дело: мы теперь заново открываем для себя свою родину — видишь то, чего раньше не замечал. Вероятно, наши глаза после путешествия стали более острыми, зоркими. К большому нашему огорчению, мы обнаружили, что многого у нас серо, незрочно, а бедность вылезает из всех щелей. Помните, как я с пафосом доказывал, что города капиталистического мира полны блеска и света? Я не лицемерил, я сам искренне верил в это. Теперь могу сказать, что Сантьяго, по крайней мере, не таков. На каждом шагу контрасты, которые нельзя принизить и сгладить. Живая в Советском Союзе, мы рвались на родину, а сегодня сильно скучаем по Москве.

Салот Фернан.

Салот, камерад!

Я не писал вам так долго по одной весьма уважительной причине. Примерно неделю тому назад рано утром я проснулся от резкого стука в дверь. «Кто бы это мог быть?» — подумал я, но тут же все стало ясно. Классическая формула: «Знаменитый зоолог» — живо подняла меня с постели. Явился вс визитом политическая полиция. Все в доме было перевернуто вверх дном, после чего сущее удивление, унося с собой пятнадцать книг из моей библиотеки и некоторые бумаги частного характера.

Несколько номеров советских журналов, которые вы мне прислали, я буквально проглотил, так

же как и мои товарищи по университету.

Жду ваших писем — Рональдо.

Здравствуйте, товарищи!

Это письмо я писал уже давно, но не хотел сдавать на почтамт, ожидал, пока кончится волна преследований. Но, к сожалению, она не прошла. Совсем недавно была брошена в тюрьму студентка юридического факультета университета Сантьяго. Ее обвиняют в том, что она коммунистка. Из стран социалистического лагера никто не получает ни одного письма; создается впечатление, что наша цензура контролирует всю латинскую. Каждый раз, когда я отправляю письмо в Советский Союз, приходится хитрить, пересылать с друзьями письма в соседние страны, чтобы ушел там, в Аргентине, Панаме или Эквадоре, письма были опущены в почтовый ящик.

В скором времени мы собираемся опубликовать книгу впечатлений о нашей поездке. Я уже написал 16 глав, они будут публиковаться в «Эль сингало».

С такой радостью я вновь пережил бы все эти чудесные дни в Москве!

Вы не поверите, если я вам скажу, что мы вспоминаем вас по-настоящему: бродим ли по улицам Сантьяго, беседуем ли с нашими друзьями.

Часто мы пытаемся представить себе, что вы сейчас делаете, и в нашей памяти всплывают чудесные дни в Москве!

Мы не спорим обо всем на свете: о политике, искусстве, музыке и живописи...

Когда мы снова увидимся? Я думаю, что скоро. Миллионная политика СССР завоевывает все больше сторонников и позволяет нам надеяться, что в один прекрасный день мы сможем принять вас в Чили как самых дорогих гостей.

Передайте наши дружеские приветствия всем читателям «Смены».

Жму крепко ваши руки — Фернан.

Перевод с испанского.

Рональдо Рамирес.

Здравствуйте, дорогие друзья! Наконец-то, по прошествии столичных месяцев, мы можем воскликнуть: «Мы в Чили, дома!» Как радостно снова увидеть снежные вершины Кордильер, которые, кажется, стоят так близко, что можно дойти до них за два часа. Какое счастье видеть снова холмы Сантьяго, небо своей родины и слышать повсюду родную речь!

Мне хочется так много рассказать вам. Сейчас, когда прошла уже целая неделя со дня нашего приезда, мне кажется, что Москва находится очень, очень далеко, где-то в другом мире, до которого год счесть — не доскачешь.

Вы помните, что мне не все нравилось в Москве. Сколько раз я совершенно серьезно сопоставлял в уме Сантьяго и Москву. Признать, Сантьяго казался мне тогда, издали, городом более красивым, чем Москва. Каким драконом я был! Теперь я приехал домой и, в первый раз взглянув на свою страну трезвыми глаза-

свадьба

Рассказ

Рисунки Е. Ведерникова.

Вагон опустел. В купе остались трое: мужчина в сером, я и лысый неразговорчивый старичок в дожде. Мужчина достал из-под скамейки рюкзак, положил на полку и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Семен Иванович пора спать... Он хотел взобраться наверх, но остановился, мотнул подбородком в сторону окна.

— Открыл? — И, опустив руку, лег на полку. Поезд, сбавляя ход, шел мимо семафора, мимо туника, где грузили бревна и доски. Две шарнирные узкие десного поезда, управившие дальними конями в густой осинник, как бы вычерывая полосу таша на ступеньку молодой женщине. Парень в клетчатой кепке, повыводимому, никогда не ехал. Когда поезд тронулся, он пошел рядом, убыстрил шаг, а потом подбросил кепку, закричал:

— Тамаре — ни пуха, Витьке — ни пера!

Женщина в нашем купе появилась вскоре с курьезной. Она села на место моей мамы, постепенно справилась с одышкой.

— Ох, родимые... Так и думала, остаюсь...

Мужчина в сером, или Семен Иванович, как он называл себя, свесил с полки кулдающую голову.

— Далече, маманя?

— До города, родимый... До города. Дочку везу вздумав выдвигать...

— Что был столь необычен, что даже старичок, всю дорогу ко всему безразличный, взглянул на женщину поверх очков, хотел что-то спросить, но раздумал, уткнувшись в лоб.

— Простите, маманя... Как вас зовут?

— Так и понимаю, родимый... Нечего в девках сидеть, колк парней, хороший встретился... Непьющий. Заработанные денежки держать может. Год у пиляромов постою, а гляди как вырадился: и пальто всякое, и костюмы, и рубашки — один шелк! Да и Тамарка не уступит. Мы с ней до моего свой поставили. Вот в перерыв Виктор-от к нам из общежития...

— Снова непонятно, маманя... Зачем я в город? Тут бы и жились...

— Родитель-от викарков в городку живет. Одиношкой. Пожелал со свадьбы к себе... Вот напекла постыжников...

— Тогда все ясно, Небалко, чтоб на свадьбе деншка три — четыре — пальто стобом и дым короче...

мыслю! — подмигнул Семен Иванович.

— Ни к чему это, родимый... Виктор-от верно рассудил. Пройдем, говорит, по универсамам, накупим обивок, вечер посидим у родителей вчетвером, я хватит...

Семен Иванович разочаровался: — Как же вы можете допустить, маманя? Свадьба — это событие! У порядочных людей оно бывает раз в жизни. Один раз! Помните. Ну, хоть бабайн будет у вас на вечеринку!

— Не будет, родимый! Виктор-от говорит, у родителей радио пластинки играть может. Лучше бабайнста... И мы, говорит, купим такое... Пускай на весь лес поет-играет. Вот он как рассудил, Виктор-от...

— Да разве это свадьба? — окончательно разочаровался Семен Иванович. А когда в купе вошли молодожены, он с искренним сожалением посмотрел на них. Девушка смугляла. Виктор поставил чемодан, сил выдвигая, остался в голубой шелковой рубашке с короткими рукавами. Девушка что-то шепнула ему, парень покачал головой, с укоризной посмотрел на маманю.

Разговор осекся. Семени Ивановичу хотелось продолжить расспросы, но, глядя смущенно молодых, он отнерулся: стал разглядывать лесе, поляники, дорожные знаки. Вдруг до самых плеч вынул из окна.

— Смотрите, смотрите, — закричал он, — свадьба!

Девушка испрепугалась, подбежала. Подошел Виктор. Поднялась маманя. Выглянул шею окаястый старичок. По шоссевой дороге соревнулся с паровозом, мчался свадебный поезд: пять разукрашенных парных упряжек, колокольчики, бубенчики, разноцветные ленты в гривах и жоестах, гармошка, бубны... Но вся эта картина была немой. За грохотом поезда не было слышно ни песни, ни гармошек, ни бубнов. Повоевало таким забытым и древним, что даже Семен Иванович был поражен.

— Что за чертовщина? — гоготал он. — Кино снимают или всерьез?

Скоро стало ясно: всерьез. Дорожный поезд на расках похвеще в гору, где за молодой безрельсовой голубой купол с позолоченными крестами.

— Вот балбес! — выругался Семен Иванович. — Вы их видели? Невеста совсем молоденькая, и жених молодой... Какого легшего удумали!

Я начал было говорить о пережитках, но Семен Иванович оборвал меня на полуслове.

— Какие пережитки у восьмидесятилетней девушки, у безусого парня? Дурость! Одна дурость. Не умеют свадьбу сыграть по-человечески... А ведь это — событие на всю жизнь!

В разговор неожиданно вмешался старичок.

— А вы бы знали, да и рассказали... Не мис, не ему (он покачал на меня), не ей (гаулишь пальцем в сторону маманю), а вот им, юным сердцам... Научили бы их правильно жениться. Не понимаю... Уж вы-то в этом вопросе, чик, ошибки не сделяете!

Под усми старичка дрогнули складки. Глаза его сузились. Очьи заблестели.

— Я-то свадьбу свою провел будете уверены! — отвечая на вызов, громко заговорил Семен Иванович. — Паль стобом и дым коромыслом! Наш городишко неслело смеялось... А вот вы можете и не рассказывать — прогугались вконец!

Старичок расхохотался. — Совершенно верно: три раза обошел. И-но, — он стал серезан и с гордым видом посмотрел на всех. — Над моей свадьбой никто не смеялся! Да-да! А вы, ladies? — неожиданно обратился он ко мне.

— У меня не было свадьбы.

— Не женился?

— Женился.

— Как же так... без свадьбы?

— Очень просто, пананя. Получили назначение в одно место. Ни знакомых, ни родных. В загсе записались через год, когда регистрировался сыноу.

Старичок раскрыл рот, забрал воздуху, но хотовать не стал. Поджал губы, потом выглянул в

окно и торопливо надел потертую шляпу. Поезд подходил к следующей станции.

— Выбавьте здорны, — невнятно пробормотал он, направляясь к выходу.

Семен Иванович подбежал к окну. Я тоже выглянул на перрон. Старичок довольно легко спрыгнул со ступеньки, поздоровался с мужчиной в тобетейке, садившимся в наш вагон.

— Вы знакомы с этим дурбом? — спросил Семен Иванович, предлагая новому пассажирю место в нашем купе.

— Знаком... Я тут каждого знаю, как облупленного... И меня все знают. Даже собаки, — пошутил мужчина в тобетейке. — Когда-то я грелел здесь. Лесу повалил! Лесу — не поверите!

Но, бывало, да изголодился, — с грустью добавил мужчина и осторож-но похлопал по своей богатырской груди против сердца. — Шалит...

Второй год гауку в котторе лесу промхожа. Инсарем заделался. А старичанку нуно... Он что, наверно, про божественное?

Семен Иванович мотнул головой в сторону молодых.

— Альтрировал в церкви венчаться...

— Может, может... Пройдох. Из лагеря недавно пришел, лять лет отбывал за какое-то мошеничество...

— Я его сразу раскусил! — повывастил Семен Иванович и сел рядом с новым пассажирю. — Обидел он меня, лысый черт! Над моей свадьбой смеялся... Кашалишь! — Семен Иванович покачал головой и усминул на меня большие карие глаза. — Понимаете, — пояснил он, — за живое задел. Я ведь и в самом деле поддурaccia женился. Может, поэтому и с женой чего-то не ладится.

Сколько раз предлагал развод... И знаете, чем обезоруживает? Поляем, говорит, еще раз несмешишь людей.

— Что же такое произошло на вашей свадьбе? — поинтересовался я.

— Особенного ничего, а в общем глупо. Самое главное: женился очень сорорпальтемо. Не узнали друг друга, а вышло и виноват и. Пришла мне в голову дуррацкая мысль: устроить свадьбу на Новый год, чтобы всю жизнь отмечать ее в новогодице. В жизни ни такие глупости случаются, — как бы извиняясь себя, пояснил Семен Иванович. — А в Новый год, известно, загс не работает. Накануне было воскресенье. Наташа без загса ни в какую. Решили зарегистрироваться тайком от всех тридцатого числа, в обеденный перерыв, а в Новый год объявиться: муж и жена! И черт меня дернул под строжайшим секретом регистрироваться тайком от моего дружку Сержеке...

«Вот и хорошо, что рассказал другу, — ухмылялся Сержека. — Без свидетеля не регистрируют. Я пошел с маманей...»

Он, конечно, сорвал. Никакого свидетеля не требовалось. Но шли мы уже вторым. С Наташей

улаживались: после загса разойти по домам обедать. Меня ждала старушка-мать.

«Вы слишком строги к себе,— сказала Сергея, когда мы вышли из большого домика.— Кто догадается, если зайдем в ресторан и вместе пообедаем?»

«Ну, хорошо,— согласился я,— только без выпивки».

«Конечно,— подтвердил Сергей.— Я же понимаю: через полчаса вы должны быть на работе».

Наташа тоже не стала возражать. Зашли, разговариваем. А Сергейка, как бес, убежал куда-то. Смотрим, возвращается с дирек-

тором. В маленьких городах люди знают друг друга. Подозорившись. «Пойдемте,— приглашает директор. И ведет нас через зал в боковую комнату, которая обычно была на замке. Открыл он ее, многозначительно крикнул: «Заходите, «поджаждутся!»— и ушел. Тотчас прибежал официантка. Мы заказали обед. Официантка вышла, вслед за ней выбежал и Сергейка, якобы за париком. Вернулись улыбающиеся. Я поймал его улыбку, когда увидел на полдеске две пузатые рюмки с коньяком и третью высокую — с ликером. Мы запротестовали было, но не сильно. Как-никак, день знаменательный... Вскоре к нам присоединился старший брат Наташи. Он тоже зашел пообедать. Сергейка сразу представил меня как зятя. Потом подошли мои друзья, как будто незаметно в нашу комнату перелазил баявист, кто-то распахнул двери... потом из обще-го зала кричали «горько», мы целовались... Все хотело, аплодировали».

— Вроде спектакля устроили,— засмеялся мужчина в тубетежке... — Да, вроде спектакля,— согласился Семен Иванович.— А моя старушка в это время третий раз подогревала обед... Можете представить ее растерянность, когда я к маленькой кастрюле шей да к сковородке жареной картошки привел пятнадцать гостей и влобавок сплук, вытерев одно из этого в глаза не выделал».

— Это уж вы наварили, родимый, матушку свою не предвидели,— покачала головой мамаша.

— Так вышло... — Девушка удивленно смотрела на семени Иванювич, мужчину в тубетежке добродушно смеялся. — Удивила, нечего сказать... А вот я,— добавил он после паузы,— своей свадьбой доволен, хорошо прошла.

— Расскажите, пожалуйста,—

неожиданно подала свой голос девушка и, заметив, что мы все взглянули на нее, покраснела. — Почему не рассказать?— согласился мужчина.— Я уже говорил. Работал вальщиком леса. С доски почта не сходила. А жена моя в это время только олеоса хурма, привала заводоупе детсадом. Познакомились. Влюблись. Начали готовиться к свадьбе. Впрочем, мы не думали устраивать какуую-то большую гулянку. А слух пошел до председателя рабочкома. Правильный у нас человек в рабочкоме— Степан Ильич, настоящий партиз. Вызывает меня, спрашивает: «Ты ничего не знаешь?» — «Нет,— говорю,— не знаю». «А я,— говорю,— знаю. Женится один парень. Девушку высватал хорошему». А свадьбу думают провести незорно — втхуку. Так вот,— говорю,— спроси этого парня, не лучше ли женить его в клубе, при всем народе?» Я представил себе, что это такое получится, и, прямо скажу, смутился. «Подождите,— говорю,— спрошу Валентину». «Чего

ждать?— отвечает Степан Ильич.— Сейчас зайдем к ней, втроем скорей договоримся». Короче говоря, на второй день всем было объявлено: через неделю по случаю нашей свадьбы в клубе устраивается бал.

Нашо ли говорить, что всю эту неделю мы не ходили, а словно плавали по воздуху. Где бы ни появились, с кем бы ни встретились, везде и все поздравляют, желают счастья. А в день свадьбы посадили нас за красный стол, в самую середину президиума. На столе цветы. Степан Ильич поднимается и говорит о нас, какие мы, дескать, хорошие... Потом передал ключ. Гринула музыка...

— Ой, как хорошо у вас было!— не удержалась девушка.— А что за ключ он передал?

— От квартиры. В новом доме

— Нам квартира не нужна. У нас свой дом,— сказала девушка и посмотрела на Виктора.

— Еще что было на свадьбе?— заинтересовалась мамаша.

— А вот что. Степан Ильич

объявил: «У кого подарки молодым, выходите,— говорит,— кладите на стол». Вот и пошли одни мне, другой Валентине. И каждый поутам, кроме основного подарка, кладет соску или какууюнибудь побрякушку. С дюжиной сосок подарили. Мы с Валентиной краснели и смеялись, а потом зяте, пригласили, зсы соски — для первого сына все израсходовали,— улыбаюсь рассказчик.— После всех к столу подошел заветующий столярной мастерской. «Наш подарок,— говорит,— найдет у себя дома». Ребята оставили после работы на часок — другой и сделали комод, полдюжины стульев и обеденный стол.

— Гладко-ко, сколь мебели подарил!— одобрила мамаша попусток столяров.

— А потом,— продолжал мужчина в тубетежке,— Степан Ильич вытщана нас на трибуну. Говорит, дескать, народу, как жить будете.

И что сказала Валентина? —

спросила девушка. — «Жить,— говорит,— будем так же хорошо, как вы справляете нашу свадьбу».

Девушка глубоко вздохнула. — Ну, а дальше все пошло по расписанному... Оркестр заиграл вальс...

— Вот это свадьба!— вздохнула Семен Иванювич.— Овни вечер, а память на всю жизнь.

— Почему один вечер? На другой день у меня на новой квартире веселились родные и друзья. А на третий день нам официально отпустили в дальний путешав в влоующий дом отдыха...

Девушка повернулась к Виктору и что-то шептала ему. Виктор возражал. Сначала спокойно, потом возмущен. И чем дольше шептались они, тем больше возмущались оба. Шепот стал слышен. Можете себе представить слова.

— Давай, Витя, вернемся,— просила девушка.

— Да как же можно, Тамара? Родитель ждет...

— Мы ему дадим телеграмму!

— Верно, Виктор,— оставила мамаша,— пусть он побивает я нашим посылке.

Постепенно в беседу вналезли еще два. Мужчина в тубетежке заметил:

— Конечно, не везде в рабочком такные люди, но наш Степан Ильич, Витя может и не догадаться. Можете, побегите. Может, комсомольцы?

— Комсомольцы,— ответили вместе Виктор и Тамара.

— Требуите с комсомольского комитета. — Ну, вот видишь, Витя... Рабочком откажется, пойдем в комсомольский комитет,— сказала девушка, вставая.

На следующей станции из вагонов вышли трое: парень в грязной рубашке, девушка в среннем платье и пожилая женщина с корзинкой, теперь уже не очень тяжелой. Уходя, она вымошала на столике добрую половину расковой сметаны и, ласково улыбаясь, говорила нам:

— Кушайте, родимые... Кушайте на доброе здоровье... Считайте, что вы были у нас в гостях».

Они купили билеты на встречный поезд, чтоб, не доехав до одной свадьбы, вернуться к другой. г. Зуева, Кировской области.

Возрождение спортивной славы

Чем дальше от центра Риги по направлению к Горбатову мосту убегают колеса трамвайной линии, тем чаще из окна вагона можно видеть спортивные сооружения. Вот промелькнули трибуны стадиона «Спартак», справа остался недавно вступивший в строй спортивный городок общества «Даугава». Сразу за домом начинаются спортивные площадки завода «ВЭФ», слева — рижский трек, а еще дальше, в конце трамвайного маршрута, — стадион с легкоатлетическим сектором, футбольным полем и беговыми дорожками.

Почти у всех, кого мы здесь встретили, на майках и спортивных костюмах оранжевые эмблемы в виде ромба с двумя словами: «Ригас аудзис». Это рабочие Рижского швейкокачного комбината, чьими руками построен стадион.

ПОТЕРЯННЫЕ ГОДЫ...

В большом просторном зале клуба, который зимой заводские спортсмены превращают в спортивный зал, одна из стен сплошь завешана грамотами и дипломами. Они рассказывают о победах спортсменов завода в районных, городских и даже республиканских соревнованиях. Но стоит внимательно присмотреться к грамотам, как обнаружится одна странность: большинство наград получено в 1953 году и несколько — минувшими годами; два года — 1954 и 1955 — как будто выпали из календаря физкультурников завода.

Чем объяснить такой перерыв? Ведь коллектив оставался прежним: те же люди, те же условия для занятий, — и вдруг такой спад в спортивной жизни комбината?

Когда мы спросили об этом председателя заводского совета физкультуры тов. Холштейна, он смущенно улыбнулся и объяснил:

— Знаете, как бывает часто на заводах: есть группа спортсменов, на нее и опираются. Один из нее ребята и девушки участвуют в соревнованиях по бегу и плаванью, играют в волейбол и футбол, стреляют, гоняют на велосипедах. Так было и у нас. Все шло хорошо, и мы как-то не задумывались о будущем, о том, кто сменил этих спортсменов. А жизнь сама поставила такой вопрос. В 1953 году многие наши физкультурники ушли в армию, несколько девушек перевелись на другие предприятия. Заменить ушедших было нечем. Молодежь еще не имела опыта и, конечно, выступала плохо. Коллектив скатился на предпоследние места даже в своем райо-

не, хотя раньше всегда был в числе передовых. Вот когда мы оказались на мели, тогда, может быть, впервые поняли, что основа успеха все-таки в массовости. Как нам удалось снова поднять физкультурную работу на заводе? Толчок этому дало производственное соревнование с эстонскими и литовскими ткачами.

КОГДА ЗАГОВОРИЛ САМОЛЮБИЕ...

Как-то в конце прошлого лета в Ригу приехали проверять ход соревнования эстонские ткачи с комбината «Плуане койты». Они привезли с собой ракетки для настольного тенниса.

Заметив, как загорелись глаза у рижан при виде красивых ракеток, гости подарили их своим друзьям и предложили провести товарищеские командные соревнования.

Рижане понимали, что против эстонцев им не устоять: гости с «Плуане койты» играли хорошо, — однако отказываться было неудобно. Матч, конечно, кончился разгромом рижан.

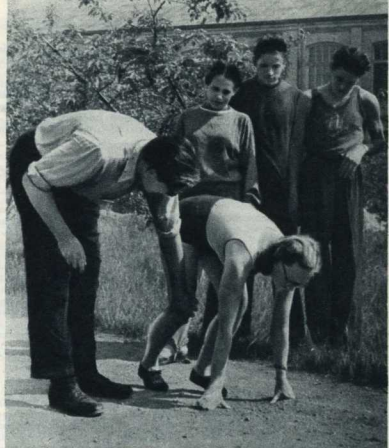
Вот тут и заговорило у рижских ткачей самолюбие. Больше всех заволебовались комсомольцы. Художница из отделочного цеха Эрика Гринталь говорила:

— Что же это такое? В производственном соревновании мы их побеждаем, а в спорте и сопротивляться не можем!

Эрика управлея прежде всего председателя совета физкультуры. Но тот напомнил ей сколько

Волейболисты комбината тренируются на стадионе «Даугава». Бноировать опасный нападающий удар Ари Крейдберг пытаются сразу три «противницы».

Фото В. Прикулиса.

— Отработкой старта придется серьезно заняться, — говорит инструктор Зигур Райскумс своей «подопечной» — Сваре Бируте.

раз вывешивалось объявление о занятиях секции настольного тенниса, однако же никто не приходил.

— Теперь я сама займусь этим делом! — заявила Эрика и вскоре принесла в заводском списке желающих играть в настольный теннис.

Стол, ракетки и мячи были. Начались тренировки. Ожились работа и в футбольной секции. Уезжая, таллинцы пригласили к себе рижских футболистов. Ну, как не готовиться к этой встрече! Нужно же взять реванш за поражение теннисистов!

По примеру футболистов начали тренироваться и волейболисты. Стоило только слезарю из отдела главного механика Василию Смирнову принести во время обеденного перерыва сетку и мяч, как

нашлось так много желающих, что пришлось составить четыре команды и играть на «влетел».

СПОРТ — ДЕЛО НЕ ТОЛЬКО ЛИЧНОЕ

Конечно, не все сразу пошло гладко. Но начало было покоем. Вскоре пришли и первые успехи. Футболисты, выигравшие в Таллине, одержали убедительную победу. Правда, в настольном теннисе первенство осталось за эстонскими ткачами, но уже не с таким большим преимуществом. В Ригу спортивные комбината возвратились довольные.

А дома их ждало приятное известие: женская волейбольная команда заняла третье место в районе. Конечно, не такой уж большой успех, но радовало, что снова на заводе есть команда. Немалая заслуга в этом была комсомольской организации. Недавно избранный секретарь комитета ВЛКСМ Вильгельм Веверис, заметив, что в ткацком цехе есть способные волейболисты, зашел к новому физиогу Ане Александровой. Эту девушку знали на комбинате как заводскую спортсменку, она даже была чемпионкой Латвии в беге на 800 метров. Удивительно легко давался ей спорт, ладилась и работа. Всего два года она стояла за станком, а уже считалась одной из лучших ткачих комбината. Аня всегда охотно участвовала во всех мероприятиях комитета комсомола.

Вот и сейчас, когда Веверис заговорил о команде, она решительно сказала:

— Сделаем. Я уже говорила с девчатами. Желательно много.

Первая тренировка волейболистов принесла спорщиков. Не явились ткачихи Леонова и Падолян. На вопрос, почему не пришли, одна ответила, что стирала, другая

просто показала плечами: не хотела. Аня могла, конечно, махнуть рукой: не такие уж ценные игроки, но ведь занятия спортом — дело не только личное, комсомольцы должны возродить высокую славу колхоза. И она, и Веракср беседовали об этом с другими.

СИЛА ПРИМЕРА

Техник отделочного цеха Сааре Бируте еще недавно относился к спорту без особого энтузиазма, хотя временами, особенно когда шла подготовка к кроссам, она как комсорг цеха убеждала работниц принять участие в соревнованиях. Однажды спонсором выступила Луция Муранова, которую Сааре угваривала, спросила: — А почему ты сама не участвуешь?

Сааре показала плечами: ну, куда, мол, ей, худенькой девчужке, с плонким зрением!

— Напрасно, Сааре. Личный пример — большое дело. Глядя на тебя, и другие потянутся бы к спорту.

«А может, и действительно попробовать?» — подумала Сааре. Когда она вышла на старт кросса, многие удивились: разве сможет такая пробраться дистанцию? Еще больше были удивлены зрители и участники, когда Сааре финишировала в числе первых.

С тех пор Сааре Бируте улелась легкой атлетикой. Она даже организовала секцию. И теперь на комбинате выросли неплохие легкоатлеты: Циара Сиполинене, Аусма Пашули, Наташа Виексид, Эндрикс Стругштейн, Имнт Ладзиньш...

Этот спонсор хорошо запомнил на комбинате. Поэтому когда Гарри Кошлейн, Энгур Райскумс, Вилгит Веракср и председатели фабкома Эдурд Яблонский пришли к директору комбината тов. Бобылю с просьбой помочь купить спортивного инвентаря, разговор снова зашел о личном примере...

И вот в тир, на стрелковые соревнования, которые организовал свесар Вениамин Петров, пришел сам директор. Думал, что просто посмотреть ружьем, а Николай Никитович попросил винтовку.

— Дайте-ка старому воюке пострелять. — Гринчешинский, он начал на спусковой крючок — девятка! Еще выстрел — десятка!.. Из 50 воц Красильники И. Лагдиньш обладает неплохими легкоатлетическими данными. Он знает, что выносливость и спорность рождаются на дистанции кроссов.

можных директор выбил 46 очков.

— Так-то вот надо, — не без гордости сказал он начинающим стрелкам.

В списках членов стрелковой секции появились фамилии главного инженера и начальников цехов. Личный пример привлек к занятиям спортом немало молодежи.

КОМСОМОЛЬЦЫ ВООРУЖАЮТСЯ ЛОПАТАМИ

Наступила зима. В клубе, в том самом зале, где одна из стен увешана грамотами и дипломами, шли частые споры. Спорили между собой секция. Теннисисты жаловались, что гимнасты подолгу занимают зал, а гимнасты Дзидра Лиджауне и Милда Шилцт обижались на фехтовальщицу Ирену Силкене, которая, организовав новую секцию, потеснила их времени. Только шахматисты сохраняли спокойствие. Когда график занятий секций уплотнился, они решили перенести свои занятия в объединенный комбината на улице Саламандра. Здесь в красном уголке по вечерам занимали молчаливые битвы, за которыми с интересом наблюдала молодежь.

Общественно на улице Саламандра стало вторым центром спортивной работы. Весной сюда переехали волейболисты. Для них подготовили отличные площадки. В этом тоже помогла команда молочков. На одном собрании кто-то предложил провести субботник: очистить старую площадку возле общежития и построить новую. Предложение встретили с энтузиазмом. И вот в один из дней молодежь вооружилась лопатами, ломом, носилками. Рядом с заново выровненной волейбольной площадкой расчистили бассейн. Недавно коллективу комбината «Ригас аудумс» встал и начался строительный марафониста комсомольской организации.

ЕСТЬ НОВЫЙ СТАДИОН

В глубине комбинатского двора находится заброшенный теннисный корт Энгур Райскумса. Обратил внимание на него: для чего здесь можно разбить отличные спортивные площадки Кругом зелен, рядом Киш-озеро. Когда об этом заговорили в комитете комсомола, Елена Павлова, та сама, которая сначала не хотела заниматься в волейбольной секции, вдруг сказала:

«А чего же тут думать? Дело нужно».

И вскоре в глубине двора появились несколько площадок. Здесь стали хозяйничать волейболисты, теннисисты. Председатель футбольной секции Николай Уголд отговаривал для себя горожанки и тяжелотельцы. Здесь же обновились и легкоатлеты. Ами для прыжков они сделали из бревна стадиона, а Беговую дорожку — на одной из аллей сада.

Казалось бы, теперь все в порядке, только занимайся. Но тут вбуртовалась команда. Председатель футбольной секции начальник механического цеха Михаил Абович Загория горячо доказывал председателю профкома Яблонскому, что для тренировок команды необходимо футбольное поле. Ведь рядом с заводом находится заброшенный стадион. Нужно объединиться с соседними

предприятиями, хотя бы с комбинатом «Варонис» и общими усилиями оборудовать стадион.

Люди славно потрудились и заброшенный стадион привели в образцовый порядок.

ВОЗРОЖДЕНИЕ СЛАВЫ

В горячие повседневных забот не всегда замечаешь, как растет коллектив. Когда Гарри Кошлейн заглянул в список спортсменов комбината, то увидел, что число их увеличилось чуть ли не вдвое. Теперь спортом занималось большинство рабочих. И конечно, это определило успех текстильчиков на весенних районных соревнованиях, посвященных Спартакиаде народов СССР. Легкоатлетическая команда комбината во главе со Сааре Бируте заняла первое место, волейболисты вышли на второе место. Футболисты стали чемпионом района. А в асорт сборная команда «Ригас аудумс» участвовала в городской спартакиаде предприятий текстильной промышленности. Соревнования шли упорными: за победу боролись двадцать коллективов. Легкоатлеты комбината заняли третье место, а Сааре Бируте, Аня Александрова, Имнт Ладзиньш стали чемпионками. На третье место вышли и волейболисты. Хорошо выступили футболисты: они завоевали второе место. Заметных успехов добились пловцы и стрелки. И даже по футболу. Команда теннисистов добилась успеха: команда комбината «Ригас аудумс» заняла второе место.

ЛУЧШИЕ ТКАЧИ — ЛУЧШИЕ СПОРТСМЕНЫ

Теперь уже никто на комбинате не считает, что заниматься спортом утомительно, неинтересно.

Недавно коллективу комбината «Ригас аудумс» вручили переходящее Красное знамя Совета Министров СССР за первое место во всеобщем социалистическом соревновании. Среди передовых производственников немало таких, кому спорт помог успешно трудиться. Вот, например, Аня Александрова, она не только отличная спортсменка, участвующая во всех соревнованиях. Недавно ей присвоили звание «Лучшая ткачиха республики».

Хроника спортивной жизни комбината каждый день пополняется новыми событиями. За производственные успехи, которых добились физкультурники комбината, директор выделил 50 тысяч рублей на приобретение спортивного инвентаря. Недавно на комбинате организовалась новая секция — велосипедного спорта, для тренировок у каждого есть свой велосипед. На верстуки и верстуки текстильщики собираются построить водную базу...

Кипит спортивная жизнь на «Ригас аудумс!» У входа на комбинат всегда можно увидеть красные оформленные спортивные плакаты, сообщающие об очередных соревнованиях, о занятиях различных секций. А если вы пойдете в клуб, вы увидите обилие нового перерыва, то обязательно услышите, как под звуки спортивного марша молодой звонкой группой обьют по радио:

— Начинаем спортивную передачу...

Н. ФОРМИЧЕВ

Бор. ЕГОРОВ, Ян ПОЛИЩУК,
Бор. ПРИВАЛОВ

ТВОРЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА

Рассказ

В необычном скверике против здания, где помещались областные организации, встретился два человека. Они бурно обормовались. Мужичка неопределенных лет в ворсистом пиджаке и шляпе из облытых перлам вырвался из общества и, сделав шаг назад, осмотрел своего приятеля. Несмотря на чересчур доброе одеяние — синие ботинки, желтые брюки, зеленый пиджак и красные галстук-бабочку — физиономия друга была печально-озабоченной.

— Что так грустно глядишь на дороге? — спросил ворсистый мужичка нестрого. — Да ты ли это, Дубенцов?

— Я... влохушка Дубенцов. — Персонально я. Но... как бы тебе пояснить...

— Опять изгазли?. Конфликт с дирекцией?

— Хуже. Конфликт с классиком. Позвали меня в клубе лекцию прочитать. Отказаться неудобно. Я пошел. А не надо было! «Женитьбу» Гоголю со «Свадьбой» Чехова спутал и еще кое-что в этом роде допустил... А потом вопросы заспал...

«Дубенцов стал творческой личностью случайно, по воле судьбы и местам». Работал он сарматским агентом по снабжению на фабрике искусственных цветов. Однажды на общем собрании членов профсоюза кто-то предложил регулярно устраивать коллективные посещения театров и кино. Предложение поддержали и приобрели билеты поручили Дубенцову.

— Он в смысле обеспечения

маг и народ! — характеризовал его начальник отдела снабжения.

И Дубенцов действительно обеспечил всех членов профсоюза, а также их семьи газетами, буклетами в любой театр. Конечно это тем, что его, как специалиста по организации культмероприятий, выдвинул в местком. А когда вернулись факультетский комбинат и комбинат и речь зашла о назначении руководителя всей культурной жизнью комбината, то все члены месткома без колебаний порекомендовали Дубенцова, кто и стал директором Дворца культуры.

За два месяца работы Дубенцов два раза был отмечен как лучший в области директор клуба. Дело в том, что Дворец культуры десятилетнего комбината тогда еще не вышел из стадии капитального ремонта, и вся деятельность директора на данном этапе состояла в том, чтобы во-время отдать олимпиады, конкурсы, выставки. Тут Дубенцов сам себя проврал.

А когда Дворец культуры, как обычно пишется в газетах, гостеприимно распахнул двери перед трудящимися, Дубенцова уже не было в рядах руководителей комбината. Его как «лучшего и передового» перевели с повышением: назначили руководить самостоятельностью области. Пока можно было отделять корпоративные ресурсы, многозадачельными намерения на мнения выходящих товарищей и смыслов на инструкции, все было в порядке: работа у Дубенцова кипела. Но потом пришлось вернуться в клуб, как обычно, как обычно, как обычно, как обычно. И переросший руководить самостоятельностью района. Там-то, в районе, и произошел «конфликт с классиком».

— А Гоголь с Чеховым в характеристике отображены? — деловито осведомился приятель в ворсистом пиджаке. — Нет? Тогда, милый, все в порядке. Я тебе окажу содействие. Ты мне поможешь однажды — век не забуду. Поддержку. Есть у меня на примете для тебя одно местечко. Требуется туда творческая единица. Коллектив молодой, энтузиастичный, тебе будет сподручно.

— К директору клуба завода «Стеклотар» позвонили из областного управления культуры.

— Кузьма Кузьмич, мильный наконец нашлось для вас руководить самостоятельностью. К эр Крупный деятель! Пригласите, Кузьма Кузьмич, обогрейте...

И Дубенцов был приглублен и обогрет. Правда, директор долго раздраженно докладывал о творческих замыслах нового хуцарю, но Дубенцов отвечал туманно и общо. Кузьма Кузьмичч настоярился было: не любил он людей, произносящих громкие слова, но характеристика выглядела так безобидно, клуб так истосковался по предусмотренной штатом творческой единице, что директор махнул рукой.

— Помогите мне в деле, почтеннейший. Учтите: народ у нас с запросами, грамотный.

— Помогайте на меня, как на каменный зобор! — заверил Дубенцова и, подхватив чемоданчик, пошел к дверям.

Знакомство с заводской самостоятельностью хуцарю начал с драмколлектива. Но на собрание пришли и литкружковцы, и хор, и даже ансамбль баллачечников. Все хотели поскорее познакомиться с новым руководителем.

— А что вы ставили до моего пришествия? — спросил Дубенцова в своем ординарном костюме.

— На историческую тематику, — ответил староста драмколлектива — Собирались репетировать «Царя Федора Иоанновича» Толстого.

— Люблю, понимаете, толстовскую драматургию! — присвоились Дубенцов. — Вот, к примеру, «Орел и орлица», тоже про семейные дела Ивана Грогного...

— «Орел и орлица» — это не тот Толстой, — заметил литкружковец Коля Кривонож.

— Толстой всегда тот, — сделал предупредительный жест Дубенцов, что отключил уже о чем-то. — Алексей... э-э...

— Николаевича? — спросил Кривонож.

— Угу, — рассеяно ответил Дубенцов, своим видом показывая, что он знает уже о чем-то другом, более масштабном.

— Который «Царь Федор» писал — это Константин Гигич, — пояснил староста кружка.

— Николай Николаевич Толстой, — добавил Кривонож.

— Что это такое, понимаете? — спросил недоумоно Дубенцов. — Устроили какому-то висторику вместе с вами рядком у нас, у вас, у вас, у вас, историей больше, чем современностью. А искусство должно отвечать на жгучие проблемы сегодняшнего дня! Понимаете?

— После чего как хуцарю пообещали к Промышленному году, у вас, э-э, три спектакля, обновить репертуар хора и баллачечников, организовать занятия живописцев, а также курсы кройки и шитья, страсти несколько улетели в сторону. Дубенцов решил бурную деятельность.

— Реквизита нет, декораций нет! — сказал хуцарю директору. — Так, понимаете, работать нельзя.

— Кое-что есть, — заметил Кузьма Кузьмич, — но, конечно, бедновато. Не МХАТ.

— Ничего, — многозначительно усмехнулся Дубенцов, — давайте грузимся, и я привезу все, что может потребоваться из первых запасов.

— Так сказать, малый булгаковский набор. Оплата, сами понимаете, по счету.

— Уж чем-чем, а своими снабженческими способностями Дубенцов не отказался. С рукозвонками и шипками шариков и грима разгрузили все кружковцы. Директор на какое-то мгновение подумал, что Дубенцов — человек полезный.

Все шло отлично, пока на горизонте не появилась репертуарный вопрос: что ставить? Дубенцов всерьезно откладывал его, во время шло, и драмколлектив волновался. Предложение о «Женитьбе Гоголя» и «Свадьбе Чехова» уверенно выдвинуто хуцарюму, провалилось: оказывается, в прошлом году обе эти вещи шли на сцене клуба.

— Нам что-нибудь современное? — заявила староста кружка. — Или же сами призывали к жгучим вопросам...

— Конечно, — согласился Дубенцов. И, обращаясь к сидевшим тут же литкружковцу Коле Кривоножю, своему воеводе литературному, же-же, нам, понимаете, могут

помочь советом. Что бы такое предложить, товарищ Кривонож?

— «Смерть Тарелкина», — выпалил вдруг Кривонож, и в глазах его мелькнул лукавый огонек. — Это едкая сатира на пережитки капитализма! Верно, ребята? — И он подмигнул старосте кружка.

— Ну, что ж... — важно промолвил Дубенцов. — Как ваше мнение?

— Дельное предложение внес товарищ Кривонож, — поддержка староста. — Это — очень хорошая пьеса. Автор — Сухоов-Кобылин. Может, знаете его лично? Встречались?

— Где-то в закоулках памяти Дубенцова мелькало: кто-то ставил, кто-то хвалил. Углубляться в разбор пьесы, учитывая многочисленные конфликты с классиком и современниками, ему не хотелось. Но так как собственный авторитет следовало всерьез поддерживать, он решил сделать «ход конем» — блеснуть своими связями в драматургическом мире.

— Ну что ж, Кобылин! — воскликнул Дубенцов, сделав небрежный жест. — Который Сухоов? Знаком, знаком! Непременно черку ему письмецо, чтобы помочь советами... Личный контакт, понимаем, в таком деле очень полезен.

— Разошлись, договорившись в скором времени прыгнуть к читательским пьесам.

А через неделю на имя Дубенцова пришло письмо из Москвы. «Дорогой Дубенцов!» — гласило послание. — Совершенно случайно узнал от друзей, прехвавших из вашего города, что Вы существуете постановку моей пьесы «Смерть Тарелкина». Я уверен, что под Вашим руководством коллектив клуба завода «Стеклотар» выйдет на первое место в фестивале самостоятельности. Если будут трудности, пишите прямо мне на адрес Союза писателей. С уважением Ваш Сухоов-Кобылин».

Дубенцов не верил своему счастью. Бормоча: «Какая удача!», хуцарю ринулся в библиотеку, находившуюся рядом с его кабинетом, и с небоевым видом продемонстрировал библиотекарше конверт с яркой крупнойкалберной маркой.

— Понимаете, от самого автора! Взгляните именно глазком. Библиотекарша прочла письмо и, зарывая от смеха, упала на стол для выдачи книг.

Рисунки Е. Шукеева.

— Наповал! — радостно отметил Дубенцов и помахал к директору.

Кузьма Кузьмич прочитал послание драматурга три раза. Потом вынул из стола какую-то докладную записку и долго рассматривал ее, иногда поглядывая на полдиск Сухоов-Кобылина.

— Восторг! — сказал он официальным голосом, — наш драматург пользовался пишущей машинкой нашего клуба... Видите, «У» западает в точка из строки выпрыгивает. Во-вторых, шариковой ручкой у нас получается лишь один Кривонож. В-третьих, ваш друг Сухоов-Кобылин умер задолго до вашего, Дубенцов, рождения... Скажите спасибо кружковцам: размазали нас по первому разряду... Эх, вы, творческая единица!

— В небольшом скверике против здания с колоннами, где помещалась областная организация, было многолюдно и тихо. Дубенцов опустился на свободную скамеечку и пригрозил: «Вдруг посыпался радостный вопль!»

— Дубенцов! Откуда ты, приятельное дитя?

И перед творческой единицей предстал мужчина неопределенных лет в ворсистом пиджаке.

— Успокойте — скорбю вздохну бывший хуцарю! — По желанию...

— По чему желанию?

— Коллектива!

— Дубенцов! Не поднимай много шума из ничего! Загрохотая ворсистый мужичок, — Клубов много, а ты один. Друга я имею влияние, ты будешь иметь заработную плату... Мотивы зловольности в характеристике отображены?

— Отображены. Опять конфликт с классиком!

— Да, брат, — задумчиво молвил ворсистый, — Положение серьезное. Впрочем, в соседнем районе о тебе еще не слышат...

И, явно приятеля под локоток, мужчина в ворсистом пиджаке что-то жарко зашептал Дубенцову на ухо.

Наша

Фото Г. Борисова
и Т. Озеровой.

Верные

Посмотрите на эти симпатичные собачьи морды. На фото слева сверху три восточноевропейские овчарки. Они всегда настороже. Чуткие уши овчарок способны улавливать малейший шорох. От их внимания ничто не ускользнет. А вот добродушный и даже немного смешной на вид черный терьер. Это представитель новой породы, выведенной совсем недавно в собачьем питомнике «Красная звезда». Никто вы не видите шотландскую овчарку колли по кличке «Динк». Колли обладают необычайно тонким чутьем. Огромную пользу принесли они во время Великой Отечественной войны, отыскивая замаскированных вражеских мин. На боевом счету Динк десять тысяч обнаруженных фашистских мин. Кавказская овчарка, что смотрит на вас со следующего снимка, — пастуший собака. Она обычно охраняет от волчьих набегов отары, стада и табуны. Редко какому хищнику удастся уйти от нее невредимым.

Все эти собаки служебные. Много пользы приносит они человеку и в военные и в мирные дни. Но нашим настоящим четвероногим друзьям и помощниками становятся они не сразу. Много времени и терпения приходится потратить на то, чтобы служебная собака быстро и точно выполняла любое приращение своего хозяина.

Воспитанием служебных собак занимаются специальные клубы ДОСААФ. Здесь под наблюдением опытных инструкторов-собаководов животные приобретают необходимые навыки, силу, ловкость — все те удивительные качества, которые называются всеобщим воспитанием.

На этой странице помещены снимки четвероногих питомцев Московского городского клуба служебного собаководства ДОСААФ. О некоторых из них мы уже коротко рассказали. А о других вы узнаете, прочитав подписи под фотографией.

В. АРХИПОВ

Дружные

Восточноевропейская овчарка хорошо поддается дрессировке для самых различных служб. Хозяин приказал Дунку задержать «нарушителя», и собака с яростью бросилась выполнять команду. «Нарушитель» не уйти...

Служебная собака должна уметь преодолевать всевозможные препятствия. Посмотрите, как легко восточноевропейская овчарка Мак совершает этот высокий прыжок.

Дог Чайка только что выполнила сложное задание. С нетерпением ждет она от своей хозяйки любимого лакомства. Но хозяйка дает новую команду: «Голос!» — и Чайка лает...

Всех служебных собак приучают брать пищу только на ружь хозяина. Восточноевропейская овчарка Ген очень любит похвалу, но от угощения, предложенного посторонним человеком, Ген отвернется: его ничем не соблазнят!

Хозяин, уходя по делам, поручил добрым-помощнику Иню охранять сумку. Можно быть спокойным: Иню много не подпустит и сумки.

НОВЫЕ КНИГИ

«О КОМУНИСТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ»

Издательство «Молодая гвардия» выпустило в новом издании сборник избранных статей и речей М. И. Калинин «О коммунистическом воспитании».

Книга эта уже давно пользуется особым вниманием молодежи, она стала настольной для каждого комсомольского активиста. В ней молодые читатели находят ответы на многие волнующие их вопросы морали и этики, воспитания воли и характера, любви и дружбы, труда и общественной деятельности.

«НА НОВЫЕ ПОДВИГИ, МОЛОДЕЖЬ!»

Под таким заголовком издательство «Молодая гвардия» выпустило речи И. С. Хрущева перед молодежью.

В начале воцарилась речь, произнесенная 22 февраля 1954 года в Кремле, на собрании комсомольцев Москвы и Московской области, посвященном отъезду первой группы комсомольцев-комсомольцев на освоение целинных и залежных земель; речь, произнесенная 7 января 1954 года в Большом театре на московском собрании комсомольцев и молодежи, изгнавших волжские похоти на освоение целинных и залежных земель; речь, произнесенная 21 января 1954 года в Кремле, на совещании комсомольцев и молодежи, открывающемся на освоение целины; речь, произнесенная 11 апреля 1954 года в Кремле, на Всесоюзном совещании молодых строителей; и речь, произнесенная 2 июня 1954 года на собрании комсомольцев и молодежи города Москвы, посвященном проведению первой группы молодых добровольцев, отправившихся вдали по призыву ЦК КПСЗ и Совета Министров СССР поехать на стройки важных районов страны.

«ВОПРОСЫ МАРКИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ЭСТЕТИКА»

В Государственном издательстве политической литературы вышел сборник статей по вопросам эстетики, объединенный общим заголовком «Вопросы марксистско-ленинской эстетики». В книгу вошли следующие статьи, написанные научными сотрудниками Института философии Академии наук СССР и преподавателями высших учебных заведений: «Марксистско-ленинская эстетика — наука», «Искусство как форма общественного сознания», «Прекрасное и возвышенное», «Стратегическое и эстетическое», «Художественный образ», «Народность и форма в искусстве», «Народность искусства», «Традиции и новаторство в искусстве», «Социалистический реализм — творческий метод советского искусства», «Идеальная форма и идеальная специфика советского искусства» и «Критика основанная на современном буржуазном реакционном искусстве и эстетике».

В маломальском вступлении «От авторов», открывающем сборник, говорится: «Задача всесторонней разработки проблем эстетики имеет актуальное значение для развития художественной культуры социалистического общества... Эта работа не прерывает на систематическое изложение всех важнейших проблем марксистско-ленинской эстетики и ограничивается освещением ряда главных вопросов. В ряде статей имеются спорные положения». Обсуждение этих спорных положений и возможность их решения будут направлены для размышления студентам и молодым читателям, интересующимся литературой и искусством.

«К ВОПРОСУ О ПРЕОДОЛЕНИИ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИИ»

Издательство «Правда» выпустило отдельной брошюрой наиболее важную статью публициста Василия в «Правду», по вопросу преодоления культа личности и его последствий. В ряде статей имеются критические замечания: «Документ истинности истинности замечания», «Коммунистическая партия — провозвестник и вождь советского народа», «Искусство должно народный, строй простой и непоколебим», «Растут и истребят».

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ ЮМОР

В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

— Извините, вы новый вермахт или швейцар?..

НА КАТКЕ

— Это ушастой! Как с ней выступать, если она боится щекотки!

«ПАРТИЗАНСКАЯ ИСКРА»

Многие герои, проводившие смелые операции против оккупантов, погибли в страшных хрибах. На их братской могиле воздвигнут обелиск, надпись на котором гласит: «Их бессмертный подвиг будет вдохновлять многие поколения советской молодежи на великие дела во имя счастья своей Отчизны».

О героической борьбе молодых партизан подробно, на основе документальных материалов, рассказывается в книге С. Гуськова и Д. Починалова «Партизанская искра», выпущенной издательством «Молодая гвардия».

— Гляди-на, белая корова, наверное, дает молоко, а черная — юфзу...

Без слов.

— Это ты, безобразник, оставил клей на стуле!

МАТЧ ХОККЕЙСТОВ

— Он дерется из-за шайбы, а она у меня в кармане!

«ЗАМЕТКИ ПАРАШЮТИСТА-ИСПЫТАТЕЛЯ»

Военное издательство Министерства обороны Союза ССР выпустило третью, переработанную и дополненную изданием книги В. Г. Романова «Заметки парашютиста-испытателя».

Автор этой замечательной книги — заслуженный мастер спорта СССР — совершил более двух с половиной тысяч прыжков с парашютом. По количеству прыжков у него нет соперника во всем мире. Он выразился на самодельной над сушей и над водой, прыгал с аэростатов и планера, с самолетов различных конструкций, в том числе и на реактивных, с высоты буреющего полета и на стратосфере. Мужество и высо-

кое мастерство выдающегося парашютиста-испытателя принесли нашей Родине не один мировой рекорд по парашютному спорту. Достигая Романова в прыжках с задержкой раскрытия парашюта днем и ночью и в высочайших прыжках остаются пока непройденными.

Намному испытательскому прыжку пишет автор, предшествовал месяц напряженного труда, творческого поиска, сомнений и надежд целого коллектива конструкторов, инженеров, врачей, специалистов, летчиков, испытателей. Об их необыкновенном труде — просто, правдиво и интересно рассказывает В. Г. Романов в своей книге. Отдельную главу автор посвящает подвигам парашютистов-десантников в дни Великой Отечественной войны, героическим делам воздушных пехотинцев в тылу врага.

Книгу В. Г. Романова с интересом будет читать вся советская молодежь.

Цена номера
2 руб.

